

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

ЛАПА В БУТЫЛКЕ

«За деньги она была готова
на что угодно — вообще на все».

Дж. Х. Чейз

Джеймс Чейз
Лапа в бутылке

«Азбука-Аттикус»

1949

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Лапа в бутылке / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1949

ISBN 978-5-389-21056-1

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотоносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». Джули Холланд было двадцать два года, и двадцать из них прошли в крайней нищете, изрядно смягчившей ее представления о морали. И когда подвернулся шанс сыграть главную роль в краже мехов, она охотно ухватилась за него, не ведая, какой ценой будет оплачено ее желание иметь красивую шубку...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21056-1

© Чейз Д. Х., 1949
© Азбука-Аттикус, 1949

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джеймс Хэдли Чейз

Лапа в бутылке

James Hadley Chase
THE PAW IN THE BOTTLE
Copyright © Hervey Raymond, 1949
All rights reserved

Серия «Звезды классического детектива»
Перевод с английского Александра Крышана
Серийное оформление и оформление обложки Валерия Гореликова

© А. В. Крышан, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава первая

I

Дождь заливал мостовые, и потоки воды переполняли тротуарные водостоки, когда Гарри Глеб поднялся на эскалаторе станции подземки «Нью-Бонд-стрит». У выхода из метро он помедлил, с отвращением взглядываясь в набрякшее тяжелыми тучами ночное небо.

«Вот оно, мое адское везенье! – в сердцах подумал он. – Будь оно все проклято: такси тут и не пахнет! Придется топтать пешком. Старая стерва лопнет от злости, если опоздаю. – Он отдернул манжету взглянуть на золотые наручные часы. – Если эта железяка не врет, я уже опоздал».

Он помялся в нерешительности еще несколько минут, затем поднял воротник пальто и, пригнув голову под хлеставшим дождем, торопливо зашагал по мокрому, блестящему тротуару, продолжая чертыхаться сквозь зубы.

– Что ж за день такой поганый! – С полей его шляпы стекала вода, из-под ног летели брызги. – Дело с сигаретами развалилось, чертова кляча пришла четвертой, и мои сорок фунтов коту под хвост, а теперь еще этот сволочной дождь.

Верный привычке, Гарри старался держаться в тени, избегая кругов света от уличных фонарей. Прошагав половину Нью-Бонд-стрит, он заметил впереди слабый отблеск стальных пуговиц и автоматически перешел на другую сторону.

«В Вест-Энде полицейских как собак нерезаных, – подумал он, невольно ссутулив широкие плечи, словно в ожидании, что на них ляжет тяжелая рука полисмена. – Этот парень большой и сильный как бык. Слоняется без дела, глаза мозолит. В шахте от него было бы куда больше пользы».

Разминувшись с полицейским и прошагав ярдов сто, Гарри снова перешел дорогу и свернул на Мейфэр-стрит. Пройдя еще немного, он глянул через плечо, убедился, что никто его не видит, шагнул в дверь рядом с лавкой букиниста и очутился в тускло освещенном вестибюле.

Навстречу ему спускалась по каменным ступеням блондинка в кожаном пиджачке, фланелевых слаксах и с зонтиком под мышкой. При виде Гарри она остановилась, и ее напряженное, с ярким макияжем лицо оживилось.

– О, привет, милый, ко мне торопишься?

– Размечталась, – бросил Гарри. – Есть куча вещей, на которые я потрачу бабки охотней, чем на тебя. – Заметив, что она с горечью сжала губы, он добавил уже помягче: – Знаешь, Фэн, тебе б сегодня лучше взять выходной. Там льет как из ведра, на улицах ни души, кроме полицейских.

– А ты? – Женщина призывно улыбнулась.

Гарри стало жаль ее. Он был на дружеской ноге с большинством проституток Вест-Энда и знал, что времена для Фэнни наступили трудные: она становилась слишком стара, чтобы продолжать игру, а конкуренция была жестокой.

– Извини, Фэн, я сегодня занят. – Он стряхнул воду со шляпы и спросил: – Кто-нибудь уже поднимался?

– Бернстайн и вонючка Тео. Этот гаденыш предложил мне полдоллара.

Гарри спрятал ухмылку.

– Да не бери в голову. Никто не воспринимает Тео всерьез. У него поганое чувство юмора. Глаза женщины сердито сверкнули.

– Когда-нибудь я им точно займусь. Встречала я в жизни засранцев, но от слов, которые этот крысеныш мне шепчет, просто выворачивает.

– Меня тоже воротит от его вида, – беспечно проговорил Гарри. – Ну ладно, пока, Фэн.

– Заглянул бы ко мне, когда закончишь, – вновь предложила она. – Уж я так тебя ублажу, Гарри... Правда, не пожалеешь.

Гарри едва не передернуло.

– Может, как-нибудь на днях загляну, только не сегодня. Надо отвезти Дану домой. Ну-ка, подставляй ладошки. – Он протянул пару фунтовых банкнот. – Купи себе подарок.

– Спасибо, Гарри. – Женщина охотно забрала деньги. – Хороший ты парень.

– Я в курсе. – Он повернулся и с улыбкой стал подниматься по ступеням.

«Несчастливая баба, – думал он. – Толстеет и стареет. Ублажит она меня... Брр!»

Наверху лестницы он остановился перед дверью с табличкой: «Миссис Френч. Агентство по найму прислуги. Справочное».

Гарри чуть подождал, потом на цыпочках подошел к перилам и глянул вниз, в вестибюль. Блондинка стояла в дверях и смотрела на льющийся дождь. Наконец она раскрыла зонт и шагнула на улицу. Гарри покачал головой, пожал плечами и негромко постучал в дверь.

В комнате вспыхнул свет, и на матовое стекло двери пал силуэт девушки. Следом в замке повернулся ключ, и дверь открылась.

– Привет, это я! – весело поздоровался Гарри. – Как всегда, последний?

– Входи, Гарри. Тебя ждут.

– Ничего, подождут. – Он притянул к себе девушку и поцеловал. Ее губы были теплыми и податливыми. – Выглядишь замечательно. Как это тебе удастся после такой ночки?

– Ни слова о прошлой ночи, – улыбнулась она. – Голова утром просто раскальвалась.

«Холодна и прекрасна, как алмаз, – подумал он. – И так же бесценна».

– Иди, Гарри, они ждут. Ты же знаешь маму. – Дана нежно коснулась его лица тонкими пальцами.

Он обнял ее за талию.

– Чего ей нужно? Я не видел ее несколько недель, и будь я проклят, если скажу, что хочу видеть сейчас. Всякий раз, когда мы с ней встречаемся, происходит какая-нибудь гадость.

– Ой, не говори глупостей. Все, идем, и... перестань, уברי руки, пожалуйста!

Гарри усмехнулся, проходя через маленький кабинет во внутреннюю комнату, освещенную только настольной лампой: ее свет бросал яркое пятно на белый бювар, лежащий на большом письменном столе, а углы комнаты тонули в тенях; было сильно накурено.

Миссис Френч сидела за столом. Сидни Бернстайн и Тео расположились напротив. Когда Гарри вошел, все посмотрели на него.

– Ты опоздал на десять минут, – резко заметила миссис Френч, тучная женщина с землистым цветом лица и живыми пронизательными глазами. Черные агатовые серьги в ее ушах посверкивали в лучах лампы.

– Я ж не нарочно, – беззаботно ответил Гарри. – Слушайте, там льет как из ведра. Такси не поймать. Еле добрел. – Он стащил с себя пальто и бросил на стул. – Привет, Сид, приятель, как дела? Чтоб я сдох! А кто это там грызет ногти в темноте – никак наш молодой Прыщавый? Как поживают твои угри и чирьи, Тео, красавчик?

– Да пошел ты! – прорычал из темноты Тео.

Гарри добродушно рассмеялся.

– Какой прелестный мальчуган! – Он оперся широкими ладонями на столешницу и с сияющим лицом обратился к миссис Френч: – Ну, вот он я. Лучше поздно, чем никогда. Какие планы?

– Мама, давайте займемся делом, – нетерпеливо проговорила Дана. – Я спать хочу.

– Присаживайся, Гарри. – Миссис Френч указала на стул рядом с собой. – Пришло время нам снова поработать вместе.

Гарри сел.

– Неужели? Ну не знаю... – Он достал пачку «Плэйерс», закурил сигарету и перебрал пачку Бернстайну. – Легавые что-то активизировались, мама. Вон как они повязали Перри прошлой ночью. Этот балбес несчастный не успел выйти из дома, как его загребли. Нынче они все на стреме. Это из-за того мазили, что подстрелил Роусона. Начни палить в копов – и получишь кучу проблем... В общем, не думаю, что сейчас подходящее время что-то затевать.

Миссис Френч нетерпеливо махнула рукой:

– Перри болван. Шастает везде и рыщет, где окошко открыто. А у нас дело верное, Гарри. Все продумано заранее. Риска ноль.

Гарри проворно сцапал пачку сигарет, когда грязная рука Тео потянулась к ней.

– Не тебе! – окрысился он. – Курево себе покупай сам.

Тео выругался сквозь зубы.

– Заткнись! – рявкнула Френч. – Я говорю.

– Извини, ма, продолжай, – произнес Гарри с виноватой улыбкой. – Что ты там задумала?

– Как тебе идея наведаться к Уэсли за мехами?

Гарри остолбенел от удивления.

– Погоди-ка! Хочешь подписать меня на пять лет на нарах? Я, знаешь ли, не салага.

– Вот и я о том же, – решительно встрял Бернстайн, маленький человечек с лицом коричневым и морщинистым, как у обезьяны. Тонкие черные волоски густо покрывали тыльную сторону его ладоней, а на запястьях и из-под воротника рубахи торчали жесткими пучками. – Будь благоразумна. Незачем биться головой о кирпичную стену. Меха Уэсли! Это безумие!

– Но ты же не откажешься, если мы их тебе скинем? – Взгляд миссис Френч сделался жестким.

Бернстайн кивнул:

– Да, но заполучить их у тебя ни шанса. Не глупи.

– Ты это серьезно? – спросил Гарри. – А ты знаешь, с чем нам придется столкнуться?

– Знаю. – Миссис Френч стряхнула пепел с сигареты на пол. Плотно сжатый рот вытянулся в твердую линию. – Придется нелегко. И тем не менее реально.

– А я говорю «нет»! – Бернстайн стукнул по столу волосатым кулачком. – Четверо уже пытались. Вспомни-ка, что с ними стало. Слишком опасно.

– Он дело говорит, – сказал Гарри, скривившись. – Правда, если б удалось это повернуть, было бы здорово. А так... я даже не представляю, какие у нас шансы, ма.

– Не пори чушь, – зло проговорила она. – Ты ничего не знаешь о деле, только то, что слышал. Да, четыре неудачника пытались добраться до мехов. И ни один из них не озаботился выяснить, как открывается сейф. Ни один не попытался пошевелить мозгами, потому что шевелить было нечем.

– Ошибаешься. – Бернстайн подвинулся чуть вперед вместе со стулом. – Фрэнк вон потрудились будь здоров. Четыре месяца изучал место, но его взяли еще до того, как он успел вскрыть сейф. Что на это скажете?

– Что можно учиться на чужих ошибках. Очевидно, существует устройство, которое подает сигнал тревоги, когда до сейфа дотрагиваются. Вот это мы и должны выяснить в первую очередь.

– И как, по-твоему, мы это сделаем? – спросил Гарри.

– Миссис Уэсли требуется прислуга. Она обращалась в другие агентства, а нынче пришла ко мне. Я долго ждала такой удачи.

– И что, зашлем подсадную утку? – Гарри как будто заинтересовался. – А это идея, ма. И может, даже сработает.

– Сработает. Если удастся внедрить к ним девчонку, которая будет глядеть в оба и узнает, в чем хитрость сейфа. И если узнает, возьмешься за работу?

– Можно... – Гарри поскреб затылок. Он подумал о Перри. Буквально вчера вечером они вместе играли в снукер. А сегодня Перри уже за решеткой. Такое крупное дело, как меха Уэсли, потянет лет на пять. От этой мысли его передернуло. – Задача, похоже, не из простых, ма. Хотелось бы для начала побольше разузнать обо всем. Тео в деле?

Тео прекратил грызть ногти и подал голос:

– А то! Я ж не такое трепло, как ты.

– В один прекрасный день я раздавлю одним махом все твои прыщи вместе с физиономией, макака, – беззлобно посулил Гарри.

– Нужна девчонка, без нее ничего не получится, – сказала миссис Френч. – Есть у тебя кто на примете, Гарри?

– Девушек я знаю много. – Гарри покосился на Дану. – Зависит от того, что за девушка нужна тебе.

– Смышленная, молодая, приятной внешности, которая хочет заработать по-быстрому, – не задумываясь, протараторила миссис Френч. – О рекомендациях я позабочусь.

Гарри качнулся назад и уставился в потолок.

– Пожалуй, есть такая... – чуть погодя сказал он. – Смышленная крошка. Зовут Джули Холланд. Работает у Сэма Хьюарта в «Бридж-кафе». Сид видел ее. Как думаешь, Сид, справится?

Бернстайн пожал плечами. Его морщинистое лицо помрачнело.

– Кто ж ее знает. Эта, пожалуй, может. Только ей придется обуздать свой нрав. Характером она маленькая злобная сучка.

Гарри рассмеялся:

– Ма, Сид настроен предвзято. Он ущипнул эту девицу за попку, а она врезала ему по харе. Умора! Я чуть пуп не надорвал. Не слушай ты его. Думаю, она справится. Девица видная и далеко не дура. Хьюарт о ней высокого мнения, а ты знаешь, каким ему приходится быть осторожным.

– В полиции о ней знают? – спросила миссис Френч.

– Ни сном ни духом. Неприятностей она избегает, но мне известно, что она бредит большими деньгами. Она мне рассказала кое-что о себе. Девица амбициозна, и ее достало гнуть спину, чтобы едва скопить несколько фунтов в неделю. Думаю, она достаточно отчаянная, чтобы рискнуть за хорошие деньги.

– Всего мы ей рассказать не можем. Слишком рискованно. А когда сделаем дело, мы должны быть уверены, что она не проболтается. Копы наверняка заподозрят кого-то из персонала и станут на нее давить. Мы должны знать наверняка, что она не заговорит, если дело вдруг примет худой оборот.

Тео подался вперед, и свет упал на его лицо.

– Да пусть приводит свою девицу. Я прослежу, чтобы она не заговорила, – сказал он.

Тео был крепким коротышкой с длинными темными волосами, тонкими сальными прядями, закрывавшими уши и падавшими на воротник. Все его круглое, нездорово бледное лицо расцветивали прыщи и угревая сыпь. Взгляд зеленых, близко поставленных глаз казался жестоким. На нем был светло-голубой залоснившийся саржевый костюм, мешковатый и бесформенный, а шапка, на которую без слез не взглянешь, каким-то чудом держалась на затылке, напоминая дохлого пушного зверька, вытащенного из сточной канавы. Было в лице Тео что-то устрашающе злобное и враждебное, и все взглянули на него с испугом. В комнате внезапно повисло тревожное напряжение.

– Только без рукоприкладства, – быстро проговорил Бернстайн. – Я не потерплю насилия.

– Да иди ты, – бросил Тео и снова задвинулся в тень.

– Я тоже не потерплю, – резко бросил Гарри. – Уж больно ты любишь поколачивать девчонок, Прыщавый. Смотри, как бы я не навалял – по твоему мерзкому рылу.

– Прекратите! – рявкнула миссис Френч. – Нам нужна девчонка, иначе дело не выгорит. А ты – как, нравишься ей, Гарри?

Гарри усмехнулся:

– Ну, я б не сказал, что она меня прямо ненавидит. Странное дело, но девчонки и впрямь западают на меня. Только не спрашивайте почему. – Он поспешно отодвинул ногу, по которой его пнула Дана. – Само собой, за исключением присутствующих, – добавил он, подмигнув. – Но когда эта крошка смотрит на меня, взгляд у нее становится таким... чувственным. Если это что-то значит.

– Давай поработай с ней, – сказала миссис Френч. – Если правильно за нее возьмешься, болтать она не станет. Тем более если на тебя запала.

– Ты и твои чертовы бабы, – сердито проговорила Дана. – Ты когда-нибудь повзрослеешь?

– А мне в кайф таким, какой я есть. – Гарри погладил ее по руке. – Они ж ничего не значат для меня. И ты это знаешь.

– Может, вы двое уже свалите куда-нибудь и там покурлычете? А то я сейчас блевану, – глумливо прогундосил Тео.

– Я сейчас зашибу эту жирную мразь! – расвирипел Гарри.

– В общем, займись девушкой, Гарри, – сказала миссис Френч, сердито глянув на Тео. – Без нее нам никак. Она нужна мне примерно через неделю. Управисься?

– Э, погодите-ка. Я не говорил, что берусь за дело. Что я с этого буду иметь? И это должно быть убедительно, иначе я не согласен.

Миссис Френч ждала таких слов. Она взяла карандаш и придвинула к себе блокнот.

– Меха застрахованы на тридцать тысяч. Допустим, мы выручим за них... семнадцать? – Она вопросительно взглянула на Бернштейна.

– Нечего на меня смотреть, – резко бросил Бернштейн. – Я не скажу, сколько они стоят, пока не увижу их. В любом случае семнадцать слишком много. Скорее десять, если они так хороши, как ты говоришь. Но сперва я должен увидеть товар, а уже потом разговаривать о цене.

– А еще там есть драгоценности, – продолжила миссис Френч, пропустив мимо ушей слова Бернштейна. Она принялась что-то быстро царапать в блокноте, в то время как остальные не сводили с нее глаз. – Гарри, твоя доля выйдет не менее восьми тысяч. Может, и больше.

– Вот это разговор! – воскликнул Гарри, глаза его загорелись. – За восемь-то тысяч...

– Да вы с ума сошли! – вскричал Бернштейн, его руки взметнулись над столом, как две испуганные летучие мыши. – Как можно давать такие обещания! Вы же хотите, чтобы я забрал товар? Тогда цену назначу я. Вы не можете говорить, что товар будет стоить столько-то или столько-то. Сначала я должен его увидеть.

– Сид, если ты не в состоянии сейчас назвать сумму, это сделает кто-нибудь другой, – беззлобно проговорила миссис Френч. – Ты не единственный скупщик краденого, кто хотел бы заполучить меха Уэсли.

Тео слегка ткнул локтем Бернштейна.

– Напялишь их поверх своей жилетки и прикинешь, как оно сидит, – сказал он и заржал.

Дождь плескал в окна и пузырящимися речушками бежал по водостокам. Одиноким полисмен, закутавшись в плащ с накидкой, шагал по Мейфэр-стрит, не подозревая о том, что в нескольких ярдах от него готовится ограбление. Его не интересовали кражи. Мысли его сейчас занимала рассада капусты, которую он высадил сегодня днем. «Как же кстати, – думал он, – этот дождь».

II

Если доведется вам искать кафе, рестораны и клубы, каким-то образом маскирующиеся в джунглях из кирпича, камня и грязных окон вдоль Кинг-стрит, Фулэм-Пэлэс-роуд и Хаммерсмит-Бридж-роуд, вы найдете массу разнообразнейших заведений. И вас, вероятно, удивит, как они, такие с виду захудалые, остаются на плаву и что кому-то из многочисленных толп покупателей и праздношатающихся с Хаммерсмит-Бродвея придет в голову отправиться в такие места перекусить. Но лишь по ночам и в предрассветные часы именно эти самобытные кафе и ресторанчики просыпаются к жизни. Случись вам оказаться в этом районе после одиннадцати вечера, вы найдете эти заведения заполненными довольно зловещего вида скоплением мужчин и женщин: беседуя вполголоса над чашкой чая или кофе, они поднимают подозрительные взгляды всякий раз, когда открывалась дверь, и расслабляются, когда узнают вновь прибывшего.

Именно в такие места дезертиры военной службы, устав торчать в своих крысиных норах, заскакивают хлебнуть кофейку и оглядеться, прежде чем направиться в Вест-Энд. Именно здесь собираются мелкие шайки, чтобы обсудить последние детали будущего рейда; именно здесь ошиваются самые порочные из всего лондонского отребья – размалеванные девицы в сандалиях и ярких свитерах – перед выходом на ночную охоту.

Первым среди этих кафешек и ресторанов считалось «Бридж-кафе», которым владел Сэм Хьюарт – суровый безжалостный крепыш неопределенных лет. Кафе он приобрел по дешевке в самый пик бомбежек Лондона. Хьюарт верил, что в будущем в этом районе непременно возникнет необходимость в подобном заведении, где станут встречаться ушлые парни, обмениваться посланиями, зная, что те наверняка будут доставлены, получать информацию о том, кто в городе, а кто нет и кто дает лучшую на тот момент цену за шелковые чулки, сигареты и даже норковые шубы.

Шесть месяцев назад в кабинет Хьюарта вошла девушка и назвалась Джулией Холланд. Она сообщила, что работает неподалеку в двухпенсовой библиотеке и что слышала, будто в штате «Бридж-кафе» появилась вакансия.

– Я могу быть полезной вам, – тихо проговорила она. – В работе я непривередлива.

На Хьюарта она произвела впечатление. Ему понравилось, как темные распущенные волосы девушки натуральными локонами обрамляли ее довольно бледное личико. Понравились ее настороженные серые глаза, и особенно фигура, которая, как подсказало ему развращенное воображение, роскошно смотрелась бы без одежды. А еще удивило то обстоятельство, что он не заметил эту Джули раньше. Она сказала, что работала в библиотеке, значит он должен был видеть ее. Сэм даже расстроился: должно быть, постарел. Пять лет назад такую красавицу он бы не пропустил. Тогда на работе он едва ли не целыми днями думал о девушках. Они присутствовали в его мыслях осознанно и подсознательно – так, как порой смерть присутствует в мыслях пугливых тихонь. Но в последнее время его мысли уже не были так привычно заняты ими, и когда он сознавал это, расстраивался и беспокоился. «Годы, – с горечью сказал он себе, – старею...»

Стоявшая перед ним девушка разбудила в нем почти угасшее вожделение. Облегающий свитер подчеркивал ее полную грудь, и юбка была узкой и короткой. От жадного взгляда Хьюарта едва ли укрылась хоть одна линия ее тела. Яркая помада делала очертания ее рта идеальными, а губы казались такими нежными и манящими, что у Сэма перехватило дыхание.

Хьюарт был бы сильно удивлен и раздосадован, узнай он, что девушка так оделась намеренно, дабы раздражить его стареющую похоть. Ее приятель, молодой спекулянт, шепнул ей, что Хьюарт ищет толковую девицу, которая умеет держать язык за зубами. С Хьюартом, сказал он, будет все путем, если ей не жалко, чтобы ее иногда лапали.

– Он стареет, – сообщил спекулянт с цинизмом, не оставившим Джули равнодушной. – Знаешь ведь, какие они, старики. Можешь крутить им, как захочешь.

Что же до кафе... Ей не было нужды объяснять, что собой представляли кафе и рестораны в этом районе. «Бридж-кафе» не являлось исключением, но Хьюарт платил хорошие деньги. В этом-то и дело. Деньги просто замечательные. «Он будет платить тебе шесть фунтов, а может, и больше, если дашь ему иногда щипнуть себя за ножку, а то раскрутишь старика и на все семь».

Семь фунтов в неделю! В те времена подобная сумма казалась Джули пределом ее честолюбивых устремлений. Она решила во что бы то ни стало заполучить эту работу. Что же до возможных приставаний Хьюарта – такие штучки ей не в новинку. Семь фунтов в неделю! Это ж целое состояние.

Джули было двадцать два года. Двадцать из них прошли в крайней нищете, когда приходилось выкручиваться, экономя на всем и довольствуясь буквально крохами. Ее родители были ужасающе бедны, дом – убогим и грязным, а она – вечно голодной. И всегда, сколько она себя помнила, ее не оставляло отчаянное чувство, будто она в ловушке, а жизнь бежит мимо, ускользая от нее и лишая всех чудесных вещей, которые она могла бы иметь, будь у нее деньги. Именно голод сформировал ее характер. Голод изощрил ее ум, сделал Джули хитрой и коварной. Голод и зависть, потому что зависть изводила и терзала ее, делая необщительным и замкнутым ребенком, а впоследствии – изворотливой, черствой и расчетливой молодой женщиной.

Едва Джули подросла настолько, чтобы уметь отличать имущих от неимущих, зависть всецело завладела ею. Она завидовала людям, имеющим опрятные дома, хорошую одежду и машины; завидовала слепому нищему на углу ее улицы, когда ему подавали милостыню. Завидовала детям в школе, если те были одеты лучше ее. Она постоянно кланчила у родителей еду, изводила просьбами карманных денег, одежды попримичнее – пока отец, взбешенный своей неспособностью дать девочке то, что она просит, не выпорол ее, чтобы заткнуть ей рот. Однако порка не излечила Джули от зависти. Решимость обладать хорошими вещами оставалась непреклонной, а поскольку родители не могли ее обеспечить, она стала действовать сама. Сначала приворовывала по мелочам: шоколадку у одноклассницы; булочку с прилавка в кондитерской; ленту для волос у сестры; деревянный волчок у мальчишки-соседа. И действовала настолько хитро, что никто не заподозрил ее. Но чем больше она брала, тем больше хотелось еще, и однажды, желая отпраздновать свое двенадцатилетие, она обчистила ювелирный прилавок в «Вулворте». Однако на этот раз Джули имела дело не с детьми и попалась.

Мировой судья проявил снисхождение. Он понимал детей и, когда прочитал отчет о жизни Джули в семье, вызвал девочку к себе. Джули была слишком напугана, чтобы запомнить все, что он тогда сказал ей, но в памяти осталась притча про обезьяну и бутылку, которую судья избрал краеугольным камнем своей проповеди.

– Ты когда-нибудь слышала, как в Бразилии ловят диких обезьян? – удивил ее вопросом мировой судья. – Позволь рассказать тебе. В бутылку кладут орех и подвешивают ее на дерево. Обезьяна засовывает лапу в бутылку, хватается орех, но вытащить не может, так как горлышко слишком узко – лапа с добычей не проходит. Думаешь, обезьяна могла бы разжать лапу, выпустить орех и удрать, не так ли? Однако они никогда так не делают. Обезьяны настолько жадны, что не в силах расстаться с орехом и каждый раз попадают. Запомни эту историю, Джули. Жадность очень опасна. Если дашь ей волю, рано или поздно она погубит тебя.

Джули отправили домой, и больше она не воровала.

Однако, по мере того как девочка выросла, зависть к богатым лишь крепла в ней, и разум ее был одержим жаждой денег. Когда во время воздушного налета погибли ее родители и она осталась одна в убогой однокомнатной квартирке, внезапная свобода от надзора открыла Джули неожиданные возможности заполучить то, о чем она давно мечтала. Теперь,

когда стало можно гулять хоть ночь напролет и не возвращаться домой, она поняла: что-то в ней есть такое, что привлекает мужчин. Первое время она лишь смутно догадывалась об этой своей способности и поначалу возмущалась, когда мужчины при малейшей возможности пытались прикоснуться к ней. Раздражало, например, когда кондуктор в автобусе помогал ей сойти на остановке, когда какой-нибудь пожилой джентльмен брал ее за руку и настаивал на том, чтобы перевести ее через дорогу, или когда в темном кинозале тяжело дышащий сосед проводил рукой по ее ноге, делая вид, будто ищет какой-то упавший на пол предмет. Однако спустя некоторое время, привыкнув к подобным знакам внимания, а теперь и обладая полной свободой, она задумалась, как извлечь выгоду из этой способности.

Война и прибывающие из Америки военнослужащие дали ей такую возможность, и Джули присоединилась к многочисленной армии девушек Ист-Энда, весело проводящих время с янки.

Хотя в то время ей было лишь семнадцать, Джули быстро приобрела некую утонченность, выгодно отличавшую ее от других хихикающих цыпочек, что торчали на углах улиц и влюбленными глазами поедали американских рядовых, прогуливающих по Пикадилли. Она зналась исключительно с офицерами, и ее убогая однокомнатная квартира зачастую пустовала по ночам. Вскоре Джули сделалась обладательницей внешнего лоска, который не пробил бы и паровой молот, полного ярких одежек гардероба, глубоких познаний плотских желаний мужчин и счета на пятьдесят фунтов в банке «Пост Оффис Сэйвингс». Некоторое время ей жилось хорошо. Но война закончилась, и американцы вернулись домой. Потянулись скудные годы, и жизнь превратилась в сплошные ухищрения. Обманным путем ей удалось избежать отправки на фабрику. Обманным путем ей удалось раздобыть талоны на одежду, исхитриться добывать еду и деньги. По случаю она получила работу в двухпенсовой библиотеке, хоть и платили там всего два фунта десять шиллингов в неделю.

Крутиться приходилось постоянно, и Джули начала сознавать, что тем, кто сейчас не рискует, приходится ох как туго. Получалось, либо ты честен и живешь в нужде, либо нечестен – и живешь в свое удовольствие. Золотой середины не существовало. Она знала, что у «Бридж-кафе» дурная репутация, что там собираются ворье и всякая шпана, но деньги предлагали хорошие, а это главное. Она устала выживать на пятьдесят шиллингов в неделю.

– Будешь работать у Хьюарта, познакомишься с крутыми парнями, – сказал ей молодой спекулянт. – А если с толком разыграешь свои карты – не будешь ни в чем нуждаться. Девчонка с такой зачетной внешностью должна ловить от жизни кайф. А в твоей библиотеке много кайфа?

Семь фунтов в неделю! Это решало все. Пусть кафе сомнительное – ей-то что? Она в состоянии сама о себе позаботиться. Если Хьюарт возьмет ее, она готова на него работать.

Хьюарт же, едва увидев Джули, сразу понял, что девчонка ему подходит.

– Могу предложить тебе два вида работы, – сказал он ей. – Одна из них дневная, за три фунта в неделю. Ничего особенного. Кое-где прибраться, приготовить сэндвичи для ночных клиентов. Работа не переломишься... Но все же работа.

– А другая? – спросила Джули, чувствуя, что возьмется именно за вторую.

– А-а, другая... – Хьюарт подмигнул. – Другая работенка что надо. Для честолюбивой девушки, которая умеет держать язык за зубами. Тебе, может, и подойдет.

– И сколько платят?

– Семь фунтов в неделю. Сидеть за кассой и принимать сообщения. Работа ночная – с семи вечера до двух ночи. Главное – держать рот на замке, а когда я говорю на замке – значит на замке, это ясно?

– Я не болтаю, – уверенно сказала она.

– И не стоит начинать, во всяком случае не в этом районе. Помню девушку, чуть постарше тебя и такую же хорошенькую, которая, как-то раз услышав то, что ее не касалось, принялась

трепаться. Ты же знаешь, как это бывает: девушек хлебом не корми, дай языком почесать, это их вторая натура... Ее нашли в глухом переулке. Внешность попортили изрядно. Так что болтать не стоит.

– Не напугаете, – резко ответила Джули. – Я не вчера родилась.

– Ну да, ну да... – усмехнулся он. – А ты смышленная. Я как увидел тебя, сразу понял: справишься. Так, теперь слушай. Здесь мы оказываем услуги нашим клиентам, понятно? И важная часть этих услуг – передача сообщений. Вот тут-то твоя смекалка и пригодится. Ни в коем случае ничего не записывать. Передавать сообщения быстро. Их может быть до двадцати за ночь. Например, тебе позвонят «насчет Джека Смита». Ты должна знать, кто это и здесь он или нет. Если его нет на месте, ты так и ответишь и примешь сообщение для него. Твоя задача будет состоять в том, чтобы Джек получил его сразу же, как придет, и никто не должен знать о том, что ты ему передала. Короче, нужно все время крутиться и быть начеку. Ничего, справишься. Вижу, ты девица не промах. – Заметив, что она колеблется, Хьюарт продолжил: – И больше ты ничего знать не должна, ясно? А из-за того, чего не знаешь, в историю не вляпаешься, верно? Зато будешь иметь шанс перехватить немного легких деньжат. Кое-кто из парней будет отстегивать тебе фунт, а то и пару за передачу сообщения. Сам видел: иногда дают. Да, вот еще что: ты нравишься мне. Возьмешься за работу – с меня восемь фунтов в неделю. И это справедливо, не так ли? Парни будут от тебя без ума. Ты девушка толковая, да еще и хорошенькая. Я в людях разбираюсь. Подумай: восемь замечательных фунтов каждую пятницу. Подумай о шелковых чулочках, которые сможешь купить на них.

Но Джули не любила пороть горячку и хотела узнать побольше о работе, прежде чем браться за нее. Так она Хьюарту и сказала.

– А вот тут ты ошибаешься, – ответил ей Хьюарт. – Ничего тебе знать не надо. Как и мне. Я просто держу это место, поняла? Сюда приходят парни и девушки. Передают сообщения, иногда пакет-другой, а я предлагаю им еду и оказываю небольшие услуги, но вопросов не задаю. Иногда сюда заглядывают и полицейские. Задают всякие вопросы. Ну а поскольку я ничего не знаю, я же не стану им лгать, верно? И с тобой могут захотеть потолковать, но если ты ничего не знаешь, что ты можешь им рассказать? Вот что я называю быть толковой.

– Сюда приходит полиция? – опешила Джули. – Не думаю, что мне это понравится.

Хьюарт нетерпеливо махнул рукой:

– Ты не хуже меня знаешь, что полиция всюду сует свой нос. Работа у них такая. И не важно, где работаешь ты, они все равно припрутся рано или поздно. Кому какое дело? Темными делишками мы не занимаемся – всего лишь оказываем услуги. И не наша забота, если клиенты кафе отчебучивают какие-нибудь фокусы, верно? Кроме того, за что, по-твоему, я предлагаю восемь монет? По сути, работа стоит пятьдесят шиллингов. За полтинник-то я мог бы нанять десятки девчонок, сотни. Но я плачу восемь фунтов одной, потому что легавые могут задавать вопросы. Не утверждаю, что они непременно станут их задавать, но говорю «могут» и знаю, что девушки не любят впутываться в дела с полицией. Да никто не любит... Потому я и плачу побольше.

Такое объяснение показалось ей разумным, да и деньги Хьюарт предлагал замечательные. Если она упустит этот шанс, другого может и не представиться.

– Хорошо, – сказала Джули. – Я согласна.

С удивлением она узнала, какой легкой оказалась новая работа. Кафе ожило лишь после одиннадцати вечера. Потянулись постоянные посетители, и вскоре помещение наполнилось сигаретным дымом и приглушенным гулом голосов. «Я словно в первом ряду партера», – подумала Джули. Сидя в застекленной кабинке кассы, она чувствовала себя не участником происходящего, а скорее невидимым зрителем, наблюдающим через потайное окно за развитием странной, захватывающей пьесы. Хьюарт с зажатой в зубах сигарой и крупным бриллиантом,

сверкающим на мизинце, в эту первую ночь оставался рядом с ней и вполголоса рассказывал о посетителях кафе.

– Вон тот тип в бежевом костюме – Сид Бернштейн, запомни, – монотонно бубнил Хьюарт. – У него большой магазин мехов на Гидеон-роуд, ты его, наверное, видела. Если вдруг захочешь недорогую шубку, тебе к нему: скажешь, что от меня, он все устроит. Парень, с которым он говорит, – Герцог. Прозвище получил за свои изысканные манеры. Понаблюдай за ним, никогда не увидишь его хлебающим чай из блюдца. Не стоит интересоваться тем, чем он зарабатывает себе на жизнь. «Меньше знаешь...» А вон тот, в сером костюме, – Пагси. Важная птица на собачьих бегах. Уж он-то знает, как взбадривать собачек допингом... – Хьюарт осекся, прочистил горло. – Ладно, не бери в голову. Просто запомни, что он Пагси, остальное забудь. Малый, что сейчас прикуривает сигарету, – Голдсэк¹. Вот тебе пример, что значит смысленый. Когда года два назад я впервые увидел его, парень не стоил и тридцати шиллингов. А нынче он может выписать чек на десять кусков и не поморщиться. Он один из самых крупных игроков на тотализаторе.

Джули запомнила Бернштейна, Пагси и остальных. А еще внимательно слушала не только Хьюарта. Так, ей удалось перехватить несколько отдельных слов из разговора Пагси и Герцога, когда те проходили мимо нее.

– Не стану я ничего разбивать, – говорил Пагси. – Либо двадцать пять тысяч, либо ничего. Да нормально ты справишься, что тебя беспокоит?

– То, что для меня это слишком крупная партия, – с сомнением отвечал Герцог. – Говоришь, большая часть из них «Плэйерс»?

– Все верно. – Пагси поднял глаза, перехватил взгляд Джули и подмигнул ей.

«Двадцать пять тысяч „Плэйерс“, – подумала Джулия. – Сколько же они выручат за эту сделку?»

На следующий день из утренней газеты она узнала, что со склада в Хаундсдиче было украдено двадцать пять тысяч сигарет. Сложить два и два труда не составило.

Жизнь в кафе представлялась Джули полной разнообразия и азарта. Да и телефон не давал скучать. Сообщения, которые она получала, казались ей начисто лишёнными смысла.

– Передайте Пагси, что борзая сегодня хороша. Поняли? Борзая сегодня хороша.

– Попросите мистера Голдсэка позвонить мне. Бой Блю в двенадцать.

– Сообщение для мистера Бернштейна. То же время, то же место, К.О.Д.

И все в таком ключе. Закодированные сообщения озадачивали и заинтриговывали, ведь в них речь шла о деньгах для их адресатов. Пагси, Голдсэк и другие наживались с помощью этих сообщений, потому что были ушлыми и обладали информацией. Она завидовала им и в то же время понимала, что не должна роптать, поскольку к концу своей третьей рабочей недели заработала двенадцать фунтов: восемь от Хьюарта и четыре – чаевыми.

Однако чем больше Джули получала, тем больше хотелось. Ее расходы возросли. За четыре фунта в неделю она сняла маленькую меблированную квартиру на Фулэм-Пэлэс-роуд. Она прикупила одежды; тратилась на кино и безделушки, которые покупала в больших магазинах. Как же славно не работать днем!.. Славно, но одиноко. У нее совсем не было друзей. Поскольку работала она по ночам, встретиться с кем-нибудь днем не могла: днем все были на службе.

Джули очень не хватало мужского внимания, и она вздыхала по былым дням, когда могла запросто подцепить себе кавалера, просто прогуливаясь перед одним из офицерских клубов. Сидеть одной в кинозале не такая уж большая радость. Ей нужен был мужчина рядом, который говорил бы ей ласковые слова, покупал подарки и которого она, если б захотела, удостоила бы своим расположением.

¹ От англ. goldsack – мешок золота. (Здесь и далее примеч. перев.)

Мужчинам, с которыми она знакомилась в кафе, было не до нее – их занимали только деньги. Ей ничего не стоило заполучить Хьюарта, но уж больно тот стар. Первое время он порядком докучал ей, но она быстро нашла способ справиться с проблемой. Укрывшись за стеклянными стенами своей кассы, она оставляла ему мало шансов лапать себя. Начеку ей приходилось быть, лишь приходя на работу и уходя домой, и она старалась делать это в компании с другими работниками кафе. Дабы совсем не лишиться расположения хозяина, некоторые вольности она ему все же позволяла, и Хьюарт, как и предсказывал спекулянт, довольствовался малым. Она же мечтала о дружке, ровеснике, который разделял бы ее интересы и не лапал постоянно.

Джули проработала в кафе более трех месяцев, когда там появился Гарри Глеб. Едва увидев его, она тотчас заинтересовалась, поскольку не обратить на такого парня внимания было просто невозможно. Его широкая улыбка невольно заставляла улыбнуться в ответ. Смех был заразителен, а уверенность в себе – безмерна. Он казался лихим и ярким. К тому же элегантно одевался. При взгляде на его ручной росписи галстук у Джули перехватило дыхание. Копна волнистых темных волос, тонкая ниточка черных усов, зеленовато-серые глаза, искрившиеся грубоватым добродушным юмором. Хотя человеком он был жестким, бессовестным, недалеким, дерзким и эгоистичным – он не мог не нравиться. На лице Гарри неизменно играла улыбка, он всегда был готов рассказать анекдот, одолжить фунт-другой, уступить очередь на подбрасывание монетки или напоить вас допьяна. Он знал по именам едва ли не всех официантов самых модных ресторанов Вест-Энда. Он был знаком с большинством проституток Вест-Энда, повес и авантюристов, и всем он нравился. Он был типичным лондонским аферистом, и ему было плевать, знают об этом или нет.

Джули Гарри казался сошедшим с киноэкрана. Сравнить его с другими мужчинами – завсегдатаями кафе – все равно что сравнить Кларка Гейбла с жирным стариком, сидевшим рядом с ней сегодня в подземке. Однако она вела себя крайне осмотрительно и умело скрывала впечатление, которое он на нее произвел. Джули отлично сознавала силу своей привлекательности и была уверена, что рано или поздно он сам сделает первый шаг.

В это время Гарри вел дела с Сидом Бернштейном. Не любил он «Бридж-кафе», как не любил и Хьюарта, но поскольку сюда ходил Бернштейн, Гарри стал ходить тоже. Он сразу обратил внимание на сидевшую в стеклянной кабинке Джули, и так как любая красotka вызывала в нем легкое волнение, он проявил к ней умеренный интерес. Но как-то раз вечером, когда Джули выбралась из своей кабинки, чтобы передать сообщение Герцогу, и у Гарри появилась возможность увидеть ее фигуру, он не удержался и выдал длинный низкий свист.

– Ох, ничего себе красotka, – проговорил он Бернштейну, ткнув большим пальцем в сторону Джули. – Где, интересно, Хьюарт нашел такую?

Бернштейн понятия не имел об этом, и после его ухода Гарри неторопливо подошел к кассе и принялся флиртовать с Джули. Она уже давно и терпеливо дожидалась этого, но виду не подала: держалась с Гарри довольно холодно, посмеивалась над его лестью и пренебрежительно осаживала, когда познакомилась с ним поближе.

Гарри притягивал к себе женщин, как магнит булавки. Поведение Джули его удивляло. Женщин он всегда воспринимал как сентиментальных и слезливых созданий, с которыми можно поразвлечься, если больше заняться нечем. Но эта девушка ни на кого не похожа, он готов был поклясться. Держалась она довольно приветливо, но в глазах ее Гарри видел злую насмешку, и это нервировало, раздражало его и ясно свидетельствовало: она знает, что у него на уме, и потому, казалось, всерьез его не воспринимает. Он старался быть с ней предельно милым, внимательным и угодливым, да только ни к чему это не приводило. Такое отношение интриговало Гарри – именно этого Джули и добивалась. И теперь он постоянно заглядывал в кафе, чтобы перекинуться с ней словечком, подарить пару шелковых чулок или коробку конфет, всякий раз пытаясь преодолеть барьер язвительной насмешливости, который она воз-

двигла, чтобы держать его на безопасном расстоянии. Время от времени он просил ее сходить с ним куда-нибудь, но Джули отказывалась. Рисковать остаться впоследствии брошенной она не собиралась. Опыт отношений с мужчинами она обладала большим и знала: чем дольше морочить ему голову, тем более пылким он станет, когда она уступит.

Когда миссис Френч спросила Гарри, есть ли у него на примете девушка, которая могла бы им помочь, он сразу же подумал о Джули. Она хотела денег, была сообразительной и достаточно дерзкой, чтобы рискнуть. Однако его немного беспокоило ее упорное нежелание проявить к нему расположение. Так или иначе, ему придется пойти на радикальные меры, чтобы сломить ее сопротивление, и лучшим выходом, решил он, будет, если она потеряет работу в кафе до того, как он сделает ей предложение. Пока есть работа и кое-какой регулярный доход, Джули остается независимой, а если у нее будут сомнения, она может отказать ему. Гарри панически боялся независимых женщин. И сейчас, полагал он, именно независимость Джули разделяла их.

Значит, первое, что необходимо сделать, – добиться ее увольнения. Но как? Он едва не сломал голову, но так ничего и не придумал. Положение Джули у Хьюарта было прочным, и казалось, ничто не может вынудить ее когда-нибудь уйти из кафе.

– Нет, ну должен же быть какой-то выход, – утешал себя Гарри.

И выход нашелся. Однако все произошло не совсем так, как ожидал он.

III

Два вечера спустя после встречи Гарри с миссис Френч в кабинке Джули зазвонил телефон, и заполошный женский голос спросил:

– Будьте добры, мистер Гарри Глеб здесь?

Джули почувствовала, как по телу побежали мурашки. Гарри не заходил уже три дня. Она начала подумывать, не слишком ли была с ним строга, толкнув этим в объятия другой.

– Боюсь, его нет, – ответила она, гадая, что за женщина ему звонит.

– Вы уверены? Это очень срочно. Он сказал, что будет здесь. Вы не могли бы проверить еще раз?

Истерические нотки в ее голосе испугали Джули. Из своего кабинета вышел Хьюарт, увидел, как Джули, привстав, оглядывает кафе, пытаясь пробиться взглядом через плотную завесу табачного дыма, и подошел к ней.

– В чем дело?

– Мистера Глеба спрашивает женщина. Похоже, очень взволнована.

– Все женщины мистера Глеба очень взволнованы. – Хьюарт кисло улыбнулся. – Это их естественное состояние. Курицы безмозглые. Нет его.

– К сожалению, сегодня мы его не видели, – проговорила Джули в трубку.

Последовала пауза, в трубке слышались только гудение и потрескивание, затем женщина сказала:

– Он придет. Не могли бы вы попросить его сразу же позвонить? Запишите, пожалуйста, мой номер.

Джули записала номер, пообещала передать сразу же, как только мистер Глеб появится, и повесила трубку.

Хьюарт нахмурился и проворчал:

– Хотел бы я, чтоб этот парень держался отсюда подальше. Проку от него никакого.

Несколько минут спустя в кафе неожиданно вошел Гарри. Джули поманила его рукой.

– Привет, – сказал он, завернув к ней. – Только не говори, что ты в кои-то веки рада меня видеть.

– Несколько минут назад тебе звонили. Какая-то женщина просила тебя перезвонить ей. Сказала, срочно. Риверсайд, пять-восемь-восемь – сорок пять.

Улыбка его тотчас угасла, взгляд стал напряженным.

– Я позвоню от тебя, хорошо?

Таким он ей нравился: сейчас Гарри уже не напоминал беспечного мотылька и даже казался ей суровым и опасным. Наблюдая, как он крутит телефонный диск, она заметила, что рука его нетверда.

– Дана? – Никто в помещении, кроме Джули, не мог слышать его. – Это Гарри. Что стряслось? – Он слушал, и Джули видела, как белели его пальцы, все крепче сжимавшие трубку. – Давно? Ясно. Продолжай в том же духе. Ладно. Да не психуй ты, все будет хорошо. Да... да. Все, пока. – Он дал отбой.

– Кто-то что-то о тебе пронюхал? – спросила Джули, пристально глядя на него.

– Ну да. – Несколько мгновений он вглядывался в ее лицо. – Выручишь? – Он быстро глянул через плечо и бросил ей на колени небольшой пакетик, завернутый в белую папиросную бумагу. – Придержи у себя до завтра, хорошо? Никому не показывай. Если кто спросит, передавал ли я тебе что-либо, – ни слова. Сделаешь?

– Попроси кто другой – ни за что, а для тебя сделаю, – ответила Джули и улыбнулась.

– Умничка. А как насчет того, чтоб завтра встретиться со мной? С меня ланч.

– Завтра не получится, я очень занята, – что, конечно, было неправдой. – Может, послезавтра. Завтра вечером будешь здесь?

– А как же! Прибереги эту вещицу для меня. Ладно, пока. – И Гарри быстрым шагом направился к выходу. Открыв дверь, он вдруг резко остановился и шагнул назад.

Вошли двое мужчин – оба крупные, в плащах и мягких шляпах с опущенными полями. У Джули внутри все оборвалось: она узнала их. Полиция! Вот почему Гарри так спешил избавиться от свертка.

Гарри заговорил с полицейскими. Он непринужденно улыбался. Остальные посетители кафе – мужчины и женщины – наблюдали молча и недвижимо, будто стараясь ничем не привлечь к себе внимание. Инспектор уголовной полиции Доусон, которого Джули знала в лицо, резко дернул головой в сторону кабинета Хьюарта. Гарри пожал плечами и двинулся назад по проходу между столиками. Прошагав мимо Джули, он на нее не взглянул.

Едва полицейские скрылись в кабинете, все посетители рванулись к выходу. Через несколько секунд кафе опустело. В испуге Джули схватила свою сумочку и хотела было сунуть в нее пакетик Гарри, но в последний момент передумала. Сумку они проверят в первую очередь, решила она. Быстро оглядев пустое кафе, она подняла юбку и сунула пакетик за верх пояса.

В кабинете Хьюарта полицейские пробыли недолго и появились оттуда вместе с Гарри, за ними следовал Хьюарт, бледный от бешенства. Полицейский помоложе шагнул по проходу вместе с Гарри – так вдвоем они и вышли из кафе. Хьюарт и Доусон ненадолго остановились, поговорили о чем-то, затем направились к Джули. Доусон приподнял шляпу. Он был приверженцем старых добрых традиций и верил, что вежливость всегда окупает себя.

– Добрый вечер, мисс. Вы знаете того молодого парня, Глеба?

Она вызывающе взглянула на Доусона:

– Не знаю. А если б и знала, то не пойму, вам-то что за дело?

– Разве не он только что говорил с вами?

– Он всего лишь покупал сигареты.

Доусон сверлил ее взглядом, пока она не отвела глаз.

– Разве? Когда я его обыскивал, сигарет при нем не было. Как вы объясните это?

Джули изменилась в лице. Это был прокол, и серьезный. Она промолчала.

– И он ничего не передавал вам на хранение?

По спине Джули пробежал холодок, но она заставила себя встретиться с пронизательными глазами инспектора.

– Нет.

– Вы позволите осмотреть вашу сумочку?

– Вы не имеете никакого права заглядывать в мою сумочку, – возмутилась она. – Но если это доставит вам удовольствие – прошу. – Она подтолкнула сумочку к Доусону, но тот не притронулся к ней.

– Все в порядке, мисс, я не стану. – Он глянул на Хьюарта. – Что ж, до скорого, Сэм. Увидимся на днях. – Инспектор обежал взглядом опустевшее кафе и подавил улыбку. – Прости, что подпортил тебе торговлю. Твои клиенты, на мой взгляд, чересчур впечатлительны.

– До свидания, – проговорил Хьюарт, тяжело глядя на него.

Повернувшись к Джули, Доусон приподнял шляпу.

– Не знаю другого парня, способного быстрее втянуть девушку в беду, чем Глеб, – проговорил он. – Может, и есть такие, да только я сомневаюсь. Доброй ночи.

Когда он вышел, Хьюарт злобно взглянул на Джули.

– И что это значит? – угрожающе спросил он. – Какого дьявола ты тут вытворяешь?

Джули подняла брови:

– О чем это вы, не понимаю?..

– Я поговорю с тобой, когда мы закроемся, – бросил Хьюарт и, скрывшись в кабинете, грохнул дверь.

Джули надевала шляпку перед шербатым зеркалом, что висело на стене подсобки, когда вошел Хьюарт. В кафе они остались одни, все служащие уже разошлись по домам.

– Что передал тебе Глеб? – со свойственной ему прямоотой резко спросил он.

Враждебный тон и ледяной взгляд подсказали Джули: будь осторожна.

– Вы что, не слышали, что я ответила Доусону? – огрызнулась она. – Ничего он мне не передавал.

– Я отлично слышал, что ты ему ответила. – Сэм близко подошел к ней. – Если не умеешь врать, лучше молчи, ясно? Доусон усек, что у тебя рыльце в пушку. Если он и не догадывался, что Глеб передал тебе кольца, то понял, что между вами что-то есть.

Кольца? Джули показалось, что лицо ее побелело под слоем макияжа.

– Я... Я не понимаю, о чем вы...

– Вот что, крошка, – сказал Хьюарт, видя ее испуганный взгляд и смягчая тон. Джули очень нравилась ему, и он не желал никаких проблем с ней. – До сих пор ты вела себя как чертовски смышленная девушка, но сейчас поступаешь глупо. Глеб не наш человек, мы не имеем с ним никаких дел, а он – с нами. Глеб чужак, понимаешь? Ты этого не знала. Мне следовало подсказать тебе. Ладно, я не виню тебя, не думай. Просто он такой жук, от сделок с ним ничего никому не выгорит.

– Говорю же, он ничего мне не давал, – повторила Джули с бешено колотящимся сердцем. Стоит ей признаться, что взяла краденые кольца у Глеба, как окажется во власти Хьюарта. Какая же она дура, что взяла пакет. Могла бы и догадаться, что там краденое. Она страшно злилась на себя за свою наивность.

Хьюарт не сводил с нее внимательных глаз. Его грубое, словно высеченное из камня, лицо посуровело.

– А теперь послушай. Нынче вечером некая знатная дама оставила на своем туалетном столике три бриллиантовых кольца стоимостью в тысячу фунтов. Оставила буквально на пару секунд, не больше, – и они исчезли. Пару секунд, чуешь? Это Глеб: действует стремительно, глазом моргнуть не успеешь, и специализируется на кражах из спален. Его почерк. Доусон знает его как облупленного, я тоже. Сразу после ограбления Глеб примчался сюда, и я так думаю, что женщина, звонившая ему, предупредила, что полиция у него на хвосте, и он скинул

добычу тебе. Это тоже одна из его «фишек». Ему плевать, что, спасая так свою поганую шкуру, он ставит под удар другого. Знай, Джули, Глеб мерзкая тварь. Мне не нравятся парни, которые сюда тащат за собой копов. Бегать за ним у меня времени нет, и я хочу получить эти кольца.

Джули схватила шляпку и пальто и резко направилась было к двери, но Хьюарт заступил ей дорогу.

– Ну-ка стой. – В глазах его сверкнула угроза.

– Ничего я не знаю ни о каких кольцах. Не могли бы вы пропустить меня, пожалуйста, мистер Хьюарт? Я хочу домой.

– погоди, успеешь. Я терпелив, Джули, потому что ты нравишься мне. Но с этим парнем ты ведешь себя как последняя дура. Я вижу все, что здесь происходит. И видел, как ты болтала с ним и кочевряжилась. Пытаешься его закадрить, да? Будь осторожна. Глеб знает о женщинах все, на них он, можно сказать, специализируется. Лучше оставь его в покое. Ты же можешь заполучить кучу других парней, не связываясь с такой крысой, как Глеб. И сколько у него было – ни одной девчонке он не принес ничего хорошего.

– О! – с негодованием воскликнула Джули. – Да как... Как вы смеете так говорить со мной! Дайте пройти!

– Предупреждаю тебя. – Хьюарт терял терпение. – Ты не выйдешь отсюда, пока не отдашь кольца, а если мне придется отбирать их у тебя самому, вылетишь с работы.

– Вы их не получите, а ваша поганая работа мне не нужна! Найду другую, подумаешь! Я тебя не боюсь, старый бандюган!

Пораженный при виде ее отчаянной решимости, крепко сжатых кулачков и побледневшего от ярости хорошенького личика, Хьюарт застыл в восхищении. Затем расхохотался.

– Да брось, Джули, не будь дурочкой. Вижу, ты крепкий орешек, мы с тобой можем отлично поладить. Отдай мне кольца, и забудем обо всем.

– Говорю вам, я не понимаю, о чем речь. Нет у меня никаких колец, а если бы и были, все равно б вам не отдала! – выпалила Джули и метнулась мимо него.

Хьюарт оказался проворнее: задержав девушку, он одной рукой зажал оба ее запястья, а второй стал шарить по телу.

– Да как вы смеете! – взвилась она, пытаясь вырваться. – Пустите, или я заору во все горло.

– Ори на здоровье, – тяжело дыша, сказал Хьюарт, лицо его побагровело. – Если сюда заявятся легавые, я расскажу им, что Глеб отдал кольца тебе, и ты за это ответишь. Стой спокойно и не дергайся! Они где-то на тебе, я знаю. – Его ищущие пальцы нащупали небольшой бугорок на поясе. – Ага, вот они где. Не дергайся, говорю. Это тебе не поможет.

Но Джули вырывалась и лягалась. Толстые ноги Хьюарта как будто не чувствовали ударов ее тупфелек без каблуков, и Джули никак не удавалось высвободить руки из захвата. Как только он стал задирать на ней юбку, она испустила отчаянный, полный ярости оскорбленной женщины вопль.

– Ну ты даешь, Сэм, – удивленно проговорил Гарри, вдруг появившись на пороге распахнутой толчком двери. – Ты ж можешь схлопотать шесть месяцев за одну только половину того, что сейчас творишь.

Хьюарт тотчас отпустил Джули, словно она вмиг сделалась раскаленной. Гарри привалился к косяку: шляпа залихватски надвинута на один глаз, руки в карманах, взгляд жесткий и циничный.

– Как ты попал сюда? – спросил Хьюарт уже без прежнего напора. Он заметно испугался, и ему не нравились взгляд Глеба и скрытая угроза, исходившая от его сжатых в карманах кулаков.

Джули отшатнулась от Хьюарта: на бледном лице ненавистью пылали глаза.

– Грязная свинья! Как ты осмелился прикасаться ко мне? – Она развернулась к Гарри. – Это все из-за тебя! Врежь ему! Ты видел, что он вытворял со мной? Врежь ему! Пусть пожалеет об этом!

Измученно, с искренним восхищением Гарри смотрел на нее. Ему нравились девушки в гневе, а Джули сейчас была прелесть как хороша.

– Все, успокойся, крошка, – сказал он с ухмылкой. – Ты же не хочешь, чтоб я бил старика, верно? Пойдем со мной, он не сделает тебе ничего плохого.

– Я ему покажу, как лапать меня своими грязными ручищами! – не унималась Джули; схватив с полки четырехфунтовую банку с медом, она запустила ею в Хьюарта. Банка ударила ему в грудь, и он отшатнулся. Когда она повернулась за вторым снарядом, Гарри, давась смехом, сгреб девушку и вытащил из подсобки.

– Сэм, лучше запрись! – крикнул он. – Долго мне Джули не удержать, а она жаждет твоей крови!

Дверь тут же захлопнулась, и в замке повернулся ключ.

Джули, задыхаясь от ярости, высвободилась из рук Гарри и забарабанила в дверь:

– Впусти меня, грязный старый козел! Я с тобой еще не закончила. Я убью тебя!

– Пошла вон! – прокричал Хьюарт из-за двери. – Ты уволена, ясно? Видеть тебя не хочу. Проваливай, не то полицию вызову!

– Да я сама тебя сдам в полицию! – в ответ проорала Джули. – Заявлю на тебя за нападение, ты, мразь! Так просто не отделаешься, помани мое слово!

– Завязывай, Джули, – пытался урезонить ее Гарри, держась на всякий случай от девушки на безопасном расстоянии. – Оставь старикашку в покое. Ты задала ему трепку, и он больше не полезет.

Она повернулась к нему.

– Я из-за тебя работу потеряла! – крикнула. – Хорошо тебе стоять тут, ухмыляться. А мне что теперь делать?

«Ну вот, как я и говорил: обязательно что-то выгорит. Так и вышло. Лучше и не придумаешь», – думал в этот момент Гарри.

– Что теперь делать-то? – требовательно спросила Джули, понемногу успокаиваясь. И тут она осознала, что для нее значит лишиться работы в кафе. Найти другую работу с заработком двенадцать фунтов в неделю просто нереально. – Ох! Черт бы тебя побрал! Черт меня дернул познакомиться с тобой! Черт меня дернул помогать тебе!

– Ну-ну, не заводись. Пойдем. Мы с тобой это обсудим. У меня тут рядом машина. Я подброшу тебя до дома.

Она согласилась пойти с ним, поскольку не знала, что делать. Будь она сейчас одна, вернулась бы к Хьюарту и попросила прощения. Но Гарри тянул ее, крепко придерживая за локоть. Он увел ее от Хьюарта и отпускать не собирался.

– Не переживай, – сказал он, останавливаясь рядом с большим «крайслером», припаркованным под уличным фонарем. Джули заметила на номерах машины маркировку «Наемный экипаж». – Забирайся. Где ты живешь?

– Это твоя машина? – недоверчиво спросила она.

– Само собой. Номера ничего не значат, кроме того, что я могу спокойно колесить по городу, не нарываясь на вопросы копов, где беру бензин.

Джули взглянула на длинный блестящий капот с большими фарами и задумалась. «Если парню по карману такая машина, – соображала она, – значит у него должны водиться деньжата. Как пить дать! Что ж, посмотрим, удастся ли мне что-нибудь из него вытянуть».

– Эй, вернись на землю, фантазерка. Где живешь-то? – снова спросил Гарри, легонько подтолкнув ее в салон.

– Фулэм-Пэлэс-роуд, – сказала она, устраиваясь на широком удобном сиденье.

– Что у тебя – квартира, комната? – Он уселся за руль и нажал ногой на стартер.

– Отдельная квартира.

– Одна снимаешь или с кем-то?

– Одна. Что-то больно ты любопытный.

– Ну да, как сорока... – со смехом ответил Гарри и быстро повел машину по пустынным улицам. Оба больше не проронили ни слова, пока не остановились напротив ее дома, и он сказал: – Здесь? Отлично. Может, я зайду? Не отказался бы от чашечки чаю.

– Никуда ты не зайдешь и чаю не получишь, – огрызнулась Джули. – А если хочешь получить назад свои кольца, придется заплатить.

Он резко повернулся взглянуть на нее: губы растянулись в улыбке, но глаза смотрели жестко.

– Но я хочу поговорить с тобой, а здесь неудобно. Будь умничкой, пригласи меня в гости.

– У меня нет привычки приглашать мужчин к себе в такой поздний час. За кольца я хочу пятьдесят фунтов, и, пока не заплатишь, колец тебе не видать.

Он негромко присвистнул.

– Побойся бога, крошка. Пятьдесят! Да эти железки столько не стоят.

– Они стоят тысячу, и ты это прекрасно знаешь. Деньги можешь принести завтра утром, иначе я их сама продам. – Джули рывком распахнула дверь, успела выскочить из машины, взбежать по ступенькам и открыть дверь квартиры, прежде чем Гарри опомнился.

– Эй, Джули! – крикнул он из машины.

– Завтра утром, иначе тебе их не видать! – победно бросила она и захлопнула за собой дверь.

IV

Гарри не уезжал достаточно долго. Дождавшись, когда зажегся свет в окне первого этажа, он улыбнулся своим мыслям, запустил двигатель и быстро покатил по улице. Район был ему хорошо знаком, и он знал, что поблизости имеется круглосуточный гараж. Он оставил там машину и пешком вернулся к квартире Джули. Несколько минут постоял, оглядывая улицу. Шел четвертый час ночи, и лишь бродячая кошка привлекла его внимание. Затем, двигаясь легко и уверенно, он перемахнул через железное ограждение цокольного этажа, ухватился за водосточную трубу и поднялся на подоконник Джули. Подняв оконную раму, он шагнул в комнату и закрыл за собой окно. Все это он проделал за несколько секунд, действуя необычайно быстро и практически бесшумно.

Гарри сдвинул в сторону штору. Комната, в которой он очутился, была просторной, убого обставленной и неудобной. Лампа у кровати бросала розоватый свет на безвкусовые обои и ветхую мебель. Дверь в конце комнаты была полуоткрыта. По шуму бегущей воды он определил, что там ванная. Он слышал, как Джули тихонько напевала, готовясь ко сну, и ухмыльнулся. Сняв шляпу и пальто, он уселся в кресло и закурил сигарету.

Несколько минут спустя Джули вошла в комнату, облаченная в изумрудно-зеленую пижаму, выгодно подчеркивающую стройную фигурку; волосы девушки были распущены, свободно падая на плечи. Увидев Гарри, она застыла на месте, сначала побледнела, затем покраснела.

– Приветик, помнишь меня? – небрежно проговорил он. – Давай в кроватку, Джули. Хочу поговорить с тобой.

Диким взглядом она обвела комнату, глаза задержались на туалетном столике, и она метнулась к нему. Но Гарри оказался проворнее и схватил со стола два бриллиантовых кольца, полуприкрытых ее сумочкой.

– Положи на место, – яростно прошипела она.

Гарри преспокойно опустил кольца в карман.

– Извини, солнышко, это слишком серьезные вещи, чтобы шутить с ними шутки, – мягко сказал он. – Не злись. Лучше давай подружмся. Сделай мне чашечку чая, у меня к тебе разговор.

– Гад ты ползучий! – зло воскликнула она. – Я для тебя все сделала, а ты даже заплатить мне жмешься. Пес шелудивый!

– Кто сказал, что я не заплачу? Тебе же теперь нужна работа, верно? А у меня для тебя есть конкретная работа. Честное слово!

– Что еще за работа?

– Чайку принеси. И перестань хмуриться. Ну же, Джули, без чая у меня язык не ворочается.

– Ты невыносим, Гарри! – проговорила она, сдаваясь. – Видно, все же придется поить тебя чаем. Я скоро.

Пока она готовила чай, Гарри докурил сигарету.

«С ними только так и надо, – подумал он. – Кажется, я чудненько обкатал ее. Еще немного, и будет у меня как шелковая».

Джули вернулась в комнату, поставила поднос на стол и разлила чай.

– Так что насчет работы? – требовательно спросила она, подавая ему чашку. – И не забудь: ты должен мне пятьдесят фунтов.

– Сколько тебе платил Сэм?

– Двенадцать фунтов в неделю.

Он тихонько присвистнул.

– Столько ты найдешь не скоро, разве только... – Он помедлил, затем продолжил: – Если не будешь слишком уж щепетильной в своих поступках. Это довольно рискованно.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказал. Давно ты у Сэма?

– Шесть месяцев.

– А раньше где работала?

– В двухпенсовой библиотеке.

– А до того?

– На фабрике. – Джули нахмурилась, что-то припоминая.

– То есть при деньгах ты была всего полгода?

– Да, и сделаю все, чтобы не оставаться без них. – Взгляд Джули сделался тяжелым. – Никогда я еще не получала удовольствия от жизни. И что, думаешь, тебе удастся найти мне что-то стоящее?

– Не думаю – знаю.

Он отхлебывал чай, испытующе поглядывая на нее.

– Я не верю, что у тебя для меня есть хоть какая-то работа, – сказала она, видя, что он колеблется. – Просто морочишь мне голову. И если так... ты очень пожалеешь! Ничто ведь не мешает мне встретиться с Доусоном и рассказать о кольцах, верно?

Гарри едва не выронил чашку. Угроза не казалась шуточной, даже если Джули блефовала: он верил, что она говорит всерьез.

– погоди, Джули. Не стоит так бросаться словами. Знаешь, как называют девушку, которая стучит полиции? Словечко довольно мерзкое.

– Слова меня не особо задевают, – парировала Джули, вскинув голову. – Так что насчет работы?

– В настоящий момент одна из самых высокооплачиваемых должностей для тебя – работа горничной, – осторожно начал он. – Моя хорошая приятельница держит контору по найму прислуги. У нее появилась вакансия, она может тебя пристроить.

Джули резко выпрямилась и возмущенно зыркнула на него:

– Ты предлагаешь мне стать служанкой?

– Джули, остынь. Что ты все время ерепенишься? Не все ли равно, как зарабатывать деньги, если это деньги большие, разве не так? Что плохого в работе горничной? Сама-то работала в кафе, тоже не бог весть какое престижное место. Я предлагаю тебе хорошую работу. С проживанием в шикарной квартире, кучей свободного времени, хорошим питанием и зарплатой...

– Но прислужой... – Она встала и принялась вышагивать по комнате. Гарри не сводил глаз с ее фигурки в пижаме, отчетливо сознавая, что течение мыслей отклоняется от делового направления. – Нет, правда, я не могу. Хьюарт платил мне двенадцать фунтов в неделю. И на меньшую сумму я не могу, да и не стану жить. А прислуге и столько никто не платит.

– А там заплатят, – с улыбочкой возразил Гарри. – Это особенная работа. Что скажешь о пятнадцати фунтах в неделю плюс бонус в пятьдесят по окончании срока?

– Никто столько не даст! – воскликнула она, круто развернувшись к нему.

– Больно ты дотошная. – В его голосе прозвенела нотка раздражения. – Я хочу, чтобы ты заработала немного легких денег и не слишком интересовалась, как они тебе достаются. Ты ведь достаточно смышленная девушка, чтобы понять это?

– А, поняла, – тотчас насторожилась Джули. – Речь о какой-то афере?

– Вроде того. Но если не будешь знать, что к чему, не нарвешься на неприятности, верно?

«Все тот же избитый аргумент, – подумала она чуть устало. – Гарри прав. Хьюарт, кстати, приводил тот же довод. Ничего не видишь, ничего не знаешь – и будешь в шоколаде. До сегодняшнего дня работало».

– Все, что от тебя требуется, это примерно с месяцок поработать в определенном месте, – продолжил Гарри. – Получать будешь три фунта в неделю, но на всем готовом. Я договорюсь, чтобы ты имела двенадцать фунтов сверху и в качестве бонуса по окончании – пятьдесят фунтов. Более того, я прямо сейчас выдам тебе десятку, если согласишься.

– Но, Гарри, я бы хотела подумать...

– Ладно, скажешь завтра. Утро вечера мудренее. Пятнадцать фунтов в неделю и пятьдесят бонус. Не кот начихал.

– Ты точно не дуришь меня? – спросила она, вновь став подозрительной. – Я ведь не вчера родилась. Ты запросто можешь уйти отсюда, оставив меня с носом. Ищи тебя свищи. Что я тогда буду делать?

Он поднялся с кресла, подошел к кровати и сел рядом с Джули.

– Открою тебе секрет, – сказал он, привлекая ее к себе и зашептал в ухо: – Я не собираюсь оставлять тебя сегодня ночью.

Она вырвалась и вскочила на ноги.

– Вот уж нет! Еще чего! Я не такая. Нет, уходи. Я найду тебя сама.

Он засмеялся:

– Вижу, ты сама не знаешь, чего хочешь. Сначала я останусь, а уж потом уйду. Ну а за тебя решение приму я.

Она поспешно схватила свой халат, но он поймал ее за руки.

– Нет! – прошептала она в попытке вырваться. – Прекрати, Гарри! Не надо!

Он закрыл ее губы своими. Несколько мгновений она продолжала вырываться, потом ее руки обвили его шею.

– Проклятый! – пролепетала она. – Обними меня покрепче.

V

Утреннее солнце прошивало безвкусовые ситцевые занавески. Молочник сердито накричал на свою лошадь и громко брякнул бутылками, выставив их у входа. Чуть дальше по улице забарабанил в дверь почтальон.

Джули пошевелилась, потянулась и зевнула. Из полуоткрытой двери в ванную доносился плеск льющейся воды. Она вытянула ноги под простыней и удовлетворенно вздохнула.

– Получил, что хотел, Гарри? – сонно спросила она.

– В данный момент я хочу чаю – немедленно. Ты еще не встала?

– Встаю, встаю... – Джули перевернулась и натянула одеяло к подбородку.

– Ну да, я вижу. – Гарри подошел к двери. С полотенцем вокруг бедер он показался Джули похожим на боксера: мускулистый, поджарый, загорелый. – Вылезай давай, пока я сам тебя не вытащил.

– Иду, – зевнула Джули, откидывая одеяло. – Еще даже девяти нет.

– У меня куча дел с утра, – бросил Гарри, снова скрываясь в ванной.

Она прошла в кухню и поставила чайник.

«Забавно, – подумала она. – Такое впечатление, будто он всегда был здесь, словно часть моей жизни. Как бы мне хотелось, чтобы он не был таким... уклончивым».

Они говорили чуть не всю ночь напролет, и Джули пыталась выведать хоть что-нибудь о том, как и чем он живет, о чем думает, но всякий раз наталкивалась на барьер легкомыслия, который обращал все серьезное в шутку.

Когда она вернулась в комнату с чаем, Гарри уже оделся.

– Гарри... Те кольца... Что-то мне беспокойно. Долго этим заниматься опасно, ты же сам знаешь.

Он принял от нее чашку чая и рассмеялся.

– Бога ради, только не надо беспокоиться обо мне. О себе лучше побеспокойся – если есть из-за чего.

– Я правда волнуюсь за тебя.

– Вот что я тебе скажу. Жить мне на этом свете всего ничего – каких-то сорок лет, и то если повезет, – сказал он. – Что такое сорок лет? Пшик. А потом – темнота, холод и черви. Ну а раз так, я собираюсь наслаждаться жизнью, пока дышу. Но без денег не получится. Деньги – сила, это веселая жизнь, это еда и выпивка, сигареты и любовь. Деньги – это автомобиль, бензин, одежда и обувь. Это ночь на беге в «Уайт-Сити», это партии в покер и кресло в театре. Это все, что пожелаешь. Я пытался зарабатывать на жизнь трудом, но из этого ничего не получилось. Я побывал на войне. Внес свою маленькую лепту. А теперь намерен пожить в свое удовольствие. И меня не особо волнует, как я получаю деньги, пока я их получаю. Понятно?

– Но что же во всем этом хорошего, если ты проведешь десяток лет за решеткой? – спросила Джули, надеясь, что Гарри не отшутится, как всегда, а ответит серьезно, ведь его философия соответствовала ее отношению к жизни.

– Надо уметь крутиться, включать голову. Три года удавалось избегать тюрьмы, удастся и сейчас.

– Если б не я, ты бы уже был за решеткой, – напомнила она ему.

– Ты особо не обольщайся. Кто-нибудь непременно оказывается под рукой. Я тебя удивлю. Если б ты не взяла кольца, я бы избавился от них как-нибудь иначе. Не впервой.

Его слова раздосадовали и обидели Джули. Ей хотелось думать, что именно она спасла его от тюрьмы, подвергнув себя серьезному риску.

– Ты всякий раз занимаешься любовью с женщиной, которая выручила тебя? В качестве вознаграждения, да? – язвительно бросила она.

– А ты забавная, – рассмеялся он. – В любовных делах я разборчив. Скоро сама убедишься.

Прежде Джули никогда не страдала от ревности, но сейчас мысль о том, что другая была с ним так же близка, как она, больно ее обожгла.

– Гарри... Кто эта женщина – Дана, что звонила тебе?

– Моя мать, – торопливо ответил он, вытягивая ноги. – Славная старушенция: лаванда и старые кружева или как там, мышьяк?² Не суть. Я ее обожаю.

– Я не позволю так обращаться со мной, – прикрикнула Джули, топнув ножкой. – И прекрати строить из себя дурачка и куражиться. Кто она? Я хочу знать!

Он скривился и следом рассмеялся снова.

– Джули, не наезжай. Это просто знакомая девушка. Для волнения нет повода. Она и в половину не так хороша, как ты. К тому же она мне безразлична.

– Откуда она узнала, что тебя ищет полиция?

– Она ясновидящая. Разглядела в чайных листьях старину Доусона.

– Ты прекратишь наконец валять дурака и расскажешь все или нет? – Джули рассердилась уже не на шутку.

– Не лезь не в свое дело, – ответил он и улыбнулся, но в глазах его холодно сверкнула колючая искорка.

Повисла долгая пауза – оба смотрели друг на друга. Джули опустила глаза первой. Она поняла, что давить на Гарри бесполезно, и решила сменить тактику.

– Ладно, если хочешь сделать из этого тайну, можешь не рассказывать, – сказала она, изобразив равнодушие. – Еще чаю?

Он передал ей свою чашку, снова закурил и зевнул.

– Через минуту мне надо уходить, – сказал он, глянув на свои часы.

Джули вновь стало не по себе. Он может вот так запросто уйти из ее квартиры, и она больше никогда его не увидит.

– А где ты живешь, Гарри? – спросила она, наливая чай.

– Даунинг-стрит, десять³. У меня маленькая квартирка на верхнем этаже. Чертовски удобно, поскольку у нас с премьер-министром один дворецкий на двоих.

«Бесполезно», – подумала Джули, встревоженная и недовольная. За легкомысленной рисовкой скрывался непредсказуемый, «ртутный» тип, который не давал себя прищучить. Ей следует умерить свою ревность. Быть может, позже, когда они получше узнают друг друга, она завоюет его доверие.

– Ты когда-нибудь бываешь серьезным? – беспечно спросила она.

– А чего ради мне быть серьезным? Ешь, пей, делай деньги и люби сейчас, потому что завтра тебя будут жрать черви. Нет у меня времени на то, чтоб быть серьезным. Веселиться – это работа на полную ставку.

– То есть я так и не узнаю, где ты живешь?

«Он живет с женщиной, – подумала она. – Потому и не хочет говорить».

– Иногда ты бываешь поразительно догадливой, Джули.

– Ладно, продолжай напускать на себя таинственность, – раздраженно проговорила она и отвернулась.

– Чем меньше ты знаешь обо мне, тем лучше, – ответил он и взял пальто. – Все, я ушел. Так как насчет той работы, Джули?

² «Мышьяк и старые кружева» – классическая американская черная комедия режиссера Фрэнка Капры, вышла на экраны в 1944 г.

³ Даунинг-стрит, 10 – официальная резиденция лорда-казначей, который с 1905 г. является также премьер-министром Великобритании.

– Уговорил, – неохотно ответила она. – Наверно, все же стоит взяться за нее. А что там делать-то – горничной, и больше ничего?

Он ухмыльнулся:

– Больше ничего. И разумеется, глядеть в оба.

Джули сразу поняла, что ей отведена роль «засланца» для подготовки ограбления. Какое-то мгновение она все же колебалась, и Гарри, видя ее нерешительность, вытащил две пятифунтовые банкноты.

– Я обещал тебе небольшой задаток. На, положи в кармашек.

Нерешительность как рукой сняло. То, чего она не знает, неприятностей ей не принесет. О себе она может позаботиться сама. Она взяла деньги.

– Что надо делать?

– Держи. – Гарри вручил ей карточку. – Пойдешь по этому адресу. Спросишь миссис Френч и скажешь, что от меня. Она в курсе и объяснит, что делать. Все ясно?

– А это не опасно? В смысле – я не вляпаюсь в историю?

– Можешь быть спокойна, риска никакого, – беззаботно ответил он. – Все, что от тебя требуется, – быть горничной. Все просто, верно?

– И глядеть в оба, – повторила она, не спуская глаз с Гарри.

Он усмехнулся:

– В этом вся идея. До скорого, Джули!

– Когда увижу тебя снова?

– Скоро. Нынче у меня куча дел. Я тебя найду.

– Все вы, мужики, такие. Получил, что хотел, – и сразу остыл, – сердито бросила Джули.

Он притянул ее к себе и поцеловал.

– Если срочно тебе понадобится – дай знать миссис Френч. Меня не будет в городе день-другой, но она знает, как со мной связаться. Хорошо?

Джули подняла глаза и посмотрела на него.

– Должно быть...

Он снова поцеловал ее, легонько обнял и был таков. Она подошла к окну и смотрела, как он быстро шагает по улице.

«Значит, готовится ограбление, – думала она. – А я должна выяснить детали. Что ж, деньги неплохие. Если никак не буду замешана в самом ограблении, не попаду в беду. – Она взглянула на две пятифунтовые бумажки и улыбнулась. – Деньги – это прекрасно».

VI

Контора миссис Френч располагалась над лавкой букиниста на Мейфэр-стрит. Джули вошла в скудно освещенный вестибюль. Дверь справа вела в книжную лавку, прямо наверх убегал пролет каменных ступеней, а под ним находился лифт.

В дверях стояла блондинка с пекинесом под мышкой. Она без всякого интереса посмотрела на Джули, затем вновь перевела взгляд густо подведенных глаз на улицу. Какой-то мужчина, проходя мимо, замедлил шаг, взглянул на нее, увидел Джули и проследовал дальше. Блондинка и глазом не моргнула. Этот тип уже дважды проходил здесь. По-видимому, он из тех, кто не сразу принимает решение. Еще вернется.

Джули прошла в вестибюль, оглянулась на блондинку и сморщила нос. «До такого я никогда не опущусь», – подумала она. Повернувшись, она увидела, что сквозь стеклянную дверь лавки букиниста на нее пристально смотрит высокий костлявый мужчина. Он стоял не шевелясь, чуть склонив набок голову и не сводя с нее напряженно-внимательных глаз. Он был старый и высохший, его густая седая шевелюра явно нуждалась в стрижке. От его испытующего

взгляда Джули стало не по себе, и она поспешила вверх по лестнице, зная, что он будет смотреть на ее ноги, пока она не скроется из виду.

Поднявшись, Джули очутилась прямо перед дверью с табличкой «Миссис Френч. Агентство по найму прислуги. Справочное». Она толкнула ее, вошла в небольшую, хорошо обставленную комнату, полную цветов и солнца. У окна ловко печатала на машинке девушка – хорошенькая, ухоженная. Ее золотисто-каштановые волосы были подняты в тщательную сложную прическу, и каждый волосок словно находился на своем месте. Белое льняное платье с нарядными красными пуговицами и поясом сидело на ней без единой складочки. Выглядела девушка так, будто ее с величайшей осторожностью достали из коробки, обернутой целлофаном, и так же бережно посадили на стул, причем не далее чем минуту назад. Джулия разглядывала ее с завистливым интересом.

Девушка подняла глаза, а ее алые ногти продолжали сверкать, порхая над клавишами. Завидев Джулию, она перестала печатать, недовольно сдвинула бровки, оттолкнула стул и вышла к конторке, разделяющей комнату. Девушка была высока и двигалась легкой, грациозной походкой манекенщицы. Джули невольно почувствовала себя замарашкой, и это сразу же настроило ее на враждебный лад.

– Вы что-то хотели? – резко спросила девушка и посмотрела на Джули с едва прикрытым презрением. Низкий, с хрипотцой голос показался Джули знакомым.

– Мистер Глеб велел мне спросить миссис Френч, – грубовато ответила она.

– О, понятно... – Девушка поджала губы. – Вы Джули Холланд, я полагаю? Что ж, приживайтесь. Вам придется подождать. Моя мать сейчас занята. – С этими словами она вернулась к своей машинке и вновь принялась печатать.

Чувствуя себя униженной и ненавидя девушку, Джули села. Ждать пришлось долго. Единственными звуками в помещении были стрекот машинки и резкий звон колокольчика каретки в конце каждой строки. Джули рассматривала девушку. «Здесь, наверное, прилично платят, – подумала она. – Вон, чулочки нейлоновые и платье чудесного покроя. Мне б такое. Кстати, я в нем буду куда краше, чем она».

Девушка внезапно встала, подхватила пачку листов со стола и скрылась во внутреннем кабинете. Через некоторое время она вышла и резко кивнула Джулии:

– Проходите, она освободилась.

Миссис Френч сидела за большим письменным столом у окна. Вся в черном, она напонила Джули незваную родственницу на похоронах и напугала ее. Длинные, из блестящего черного агата серьги раскачивались туда-сюда при каждом движении головы миссис Френч. Она начисто была лишена очарования своей дочери, тем не менее в линиях решительного рта и подбородка просматривалось выраженное сходство.

Миссис Френч как будто знала о Джули все и перешла к делу с пугающей быстротой:

– Глеб рассказал мне о вас. Работа довольно проста, если шевелить мозгами. На дурочку вы не похожи. – И поскольку Джули продолжала стоять столбом перед ее столом, нетерпеливо махнула в сторону стула. – Да садитесь уже. – Голос у нее был глубоким и резким. – Сегодня днем отправляйтесь на Парк-Уэй, девяносто семь. Знаете, где Альберт-холл? Ну а Парк-Уэй как раз рядом. Мимо не пройдете – дом большой и снаружи довольно уродливый. Ваша новая хозяйка миссис Говард Уэсли. Будете ее личной горничной. Вам придется содержать в порядке ее вещи, прибирать после того, как она закончит одеваться, открывать входную дверь на звонок, подавать коктейли, ухаживать за цветами и отвечать на телефонные звонки. Всю остальную работу выполняет постоянный персонал, а еду доставляют из ресторана. Миссис Уэсли будет платить вам три фунта в неделю плюс полное обеспечение. Каждую субботу днем будете приходить сюда получать дополнительную плату. Вам все понятно?

– Да, – ответила Джули.

Было в миссис Френч что-то, вызывавшее в Джулии беспокойство: такое чувство порой возникает, когда, оказавшись в полной темноте, слышишь внезапный таинственный звук и тебе чудится, будто нечто ужасное вот-вот прыгнет на тебя.

– Ваше форменное платье вон там, в пакете, – продолжила миссис Френч, коснувшись своих сережек и, словно получив некое тайное удовольствие от черных агатов, улыбнулась. – Если вам оно не подойдет, можно подправить, однако, полагаю, вам оно будет впору. И ради бога, держитесь поуверенней. У миссис Уэсли высокие требования. А это ваши рекомендации. – Она пустила по столу два конверта. – Изучите их. Миссис Уэсли не слишком придирчива, но почему знать? Одна из них от доктора, другая – от священника. Мне столько трудов стоило раздобыть их, и обошлись они недешево, так что смотрите не потеряйте.

– Благодарю вас, – проговорила Джулия в замешательстве, убирая оба конверта в сумочку.

– Итак, что делать – вы знаете, – продолжала миссис Френч. – А теперь я вам расскажу кое-что о семье Уэсли. Вы и сами довольно быстро узнаете о них многое, но, возможно, лучше будет, если я вас предупрежу. Говард Уэсли, муж, – старший партнер авиаконструкторской фирмы «Уэсли – Бентон». Их фабрика находится рядом с аэропортом Нортхолт. Уэсли ездит туда каждый день. Возможно, вы читали об этом человеке. Он слепой. Кавалер ордена Виктории: посадил горящий бомбардировщик и тем самым спас экипаж или что-то в этом роде, подробностей не помню. Сказочно богат и... слепой. – Миссис Френч взяла карандаш и принялась чертить аккуратные круги на промокашке. – Миссис Уэсли, до замужества Бланш Гаррелл, в прошлом актриса оперетты. Возможно, вы видели ее. Личность известная. Пьет как сапожник. Потому и сцену бросила. Уэсли всю жизнь от нее без ума, но она чихать хотела на всех, кроме себя любимой. За Уэсли она пошла ради его денег и, как рассказывают, превратила его жизнь в ад. Нрав у нее злобный, душонка подлая, а мораль ночной бабочки. – Миссис Френч подумала немного и добавила: – Да, она к тому же еще и первостатейная стерва.

– Понимаю... – ошеломленно проронила Джулия.

– Вот с ней наплачетесь, – продолжала миссис Френч. – Обязанности ваши довольно просты, а вот общение с миссис Уэсли простым не будет. Потому мы и платим вам так хорошо. И чтобы заработать эти деньги, вам придется потрудиться, имейте в виду. – Она пристально посмотрела на Джулию, и в ее взгляде отразилось удовлетворение. – Насколько мне известно, горничные у нее дольше трех недель не задерживались, но часть вашей задачи заключается в том, чтобы продержаться до тех пор, пока я вам не скажу. Если вылетите до того момента, как мы будем готовы, потеряете пятьдесят фунтов. Это понятно?

– До того момента, как вы будете готовы – к чему? – живо спросила Джулия.

– Мы вам сообщим, если сочтем нужным, – ответила миссис Френч. – Ваша первостепенная задача – устроиться на Парк-Уэй. Вы довольны суммой, которую мы платим вам, не так ли?

– О да! – сказала Джулия. – Это хорошие деньги.

– Тогда не задавайте вопросов. – Миссис Френч выдвинула ящик стола, достала оттуда ящичек для денег и отсчитала двенадцать однофунтовых банкнот. – Возьмите. Придете в следующую субботу и получите столько же. Вы с нами сотрудничаете – мы о вас заботимся, но вздумаете нарушить правила – пожалеете. – Не сводя с Джулии глаз, она договорила своим скрипучим голосом: – А теперь шагом марш. И смойте с лица эту дрянь, вы идете работать служанкой, а не кинозвездой.

– Хорошо, – проговорила Джулия, убирая деньги в сумочку. Она ненавидела эту женщину.

– И держите себя в руках. Вам потребуется максимальное самообладание, когда миссис Уэсли начнет вас задирать. В подпитии она сущая гадина, помните об этом. Будьте предельно осторожны.

– Понятно.

– Все, ступайте. И передайте Дане, что она мне нужна.

Джули забирала пакет с униформой и, услышав эти слова, едва не уронила его. Дана! Значит, девушкой, предупредившей Гарри о полиции, все-таки была она. Джули вспомнила, что Гарри сказал о ней: «Она не такая хорошенькая, как ты, так что на этот счет можешь не беспокоиться». Вранье! Осанка, красота, одежда, безупречная ухоженность – Дана была хороша во всем.

«Как он мог так лгать мне? – кипела яростью и отчаяньем Джули. – Убеждал меня, что она для него „пустое место“. Такая-то девушка!»

– Ну, чего вы ждете? – требовательно спросила миссис Френч. – Вы ведь знаете, что вам делать?

– Да, – ответила Джули и вышла из кабинета.

Дана разговаривала по телефону, стоя спиной к Джули:

– Она сейчас здесь. Да, выглядит неплохо, насколько это возможно... – Глянув через плечо, Дана заметила Джули и умолкла.

– Миссис Френч зовет вас, – передала Джули, чувствуя, как дрожит голос. Она вышла на лестницу, прикрыла за собой дверь и остановилась, прислушиваясь.

Сквозь стеклянную панель двери голос Даны доносился отчетливо.

– Вот только-только ушла, – рассказывала Дана. – Та еще шалава, я бы сказала, но если все сделает как надо... что с того? Не знаю, не уверена. Само собой, они все хотят денег. Только об этом и думают. Хорошо. Поговорим об этом вечером, ладно?

С кем это она говорила? – гадала Джули, лицо ее пылало. Не с Гарри. Нет, она ни за что не поверит, что Гарри позволит называть ее шалавой. Она едва сдержалась, чтоб не вернуться в офис и не влечь Дане пощечину. И тут внезапное чувство, что за ней наблюдают, заставило ее обернуться. На пороге двери, ведущей из ее офиса в коридор, стояла миссис Френч. Солнечный свет из окна лестничной площадки играл черными агатами ее сережек, и те задорно искрились. Миссис Френч не двигалась и молча смотрела на Джули с холодной угрозой, словно восковая кукла из «Комнаты ужасов»⁴. Забыв о своем гневе, Джули попятилась к лестнице.

– Я не слушала, – задыхаясь, пролепетала она.

Миссис Френч не сводила с нее ледяного взгляда. Черные агаты все так же искрились на солнце.

Джули развернулась и сбежала вниз. На изгибе лестничного пролета она едва не налетела на поднимающуюся блондинку, за которой следом шел мужчина – тот самый, которого Джули видела на улице. На Джули он не взглянул, но густо покраснел и продолжил подниматься, глядя себе под ноги.

В вестибюле костлявый мужчина все так же глазел из-за стеклянной двери лавки букиниста и проводил ее внимательным взглядом, когда она сбежала по каменным ступеням крыльца в жаркую суету Мейфэр-стрит.

⁴ «Комната ужасов» – зал в Музее мадам Тюссо, где выставлены восковые фигуры известных преступников.

Глава вторая

I

Светловолосая женщина в шелковой накидке поверх светло-бежевой ночной рубашки рывком открыла дверь дома номер 97 по Парк-Уэй и злобно рявкнула:

– Вы что трезвоните в такую рань? Вам разве не сказали, что у меня нет прислуги? – Хорошенькое кукольное личико было чуть припухшим от сна, и казалось, будто ее только что подняли с постели.

– Простите, если побеспокоила вас, – смущенно и растерянно проговорила Джули. Женщина ничуть не пыталась скрыть свой гнев. – Меня прислала миссис Френч. Я... мне кажется, вы ожидали меня.

– Боже ты мой, ну входи тогда, – сказала Бланш Уэсли. – Я уже столько дней обхожусь одна! Это действительно чудовищно, как тут со мной обращаются.

Слегка сутулясь, она прошла в гостиную-вестибюль. Джули закрыла входную дверь и последовала за ней.

– Пока не выпью глоточек кофе, говорить с тобой не смогу, – заявила Бланш и провела миниатюрными, похожими на коготки, пальцами по белокурой кудрявой шевелюре. – Ну, раз теперь ты здесь, сделай что-нибудь полезное. На кухню – туда. Иди пошарь там, сама найдешь что нужно. И прошу, поменьше дурацких вопросов, у меня голова раскалывается. Просто принеси мне кофе, я буду в дальней комнате, в конце коридора. – Она пригляделась к Джули. – Мм, а ты хорошенькая. Какая приятная перемена. Так надоели страхолюдины! Никак не возьму в толк, отчего все работяги такие отвратные. Ладно, ступай уже. Ты кофе-то в состоянии приготовить или нет?

– О да, – ответила Джули и просияла улыбкой.

Бланш поморщилась:

– Очень мило, только, пожалуйста, не надо мне улыбаться, ладно? Мои нервы этого просто не вынесут. – Нахмурившись, она опустила взгляд на свои стеганные атласные шлепанцы и продолжила: – А знаешь, было б неплохо, если бы ты, обращаясь ко мне, говорила «мадам»... Да, думаю, мне это придется по душе. Тебе же не составит труда, как полагаешь, а?

– Нет, мадам, – ответила Джули. Лицо ее сделалось пунцовым, улыбка угасла.

– Да ты никак рассердилась? – Тоненькие, в ниточку, брови Бланш взлетели. – Разве я сказала что-то обидное? Вон, красная вся, как свекла. Всегда считала, что краснеть недостойно.

– О нет, мадам, – проговорила Джули и с силой сжала за спиной кулаки.

– Ну, бывает, может, что и лягну рано или поздно, – сказала Бланш с явным удовлетворением. – Мистер Уэсли все пеняет мне, будто я беспардонна с прислугой. Не отрицаю, но уверена, если платишь хорошие деньги, то и говорить можешь все, что думаешь.

Джули не отвечала. Кукольное личико хозяйки, прелестная миниатюрная фигурка, золотистые кудряшки, напоминавшие нимб, заворожили ее.

– И хватит глазеть на меня, – нахмурилась Бланш. – Разумеется, я привыкла к тому, что на меня пялятся, но мне всякий раз не по себе в те моменты, когда чувствуешь себя так, будто на тебя обрушилась кара небесная.

– Прошу прощения, мадам. – Джули попыталась опустить глаза, однако было в этой женщине нечто столь экстравагантное, что ей не удавалось отвести от нее взгляда дольше чем на несколько секунд.

– Чувствую себя этим утром совершенно разбитой, – продолжила Бланш, прижав пальцы к вискам. – Просто умираю, а никому и дела нет. – И с внезапной вспышкой ярости заверещала: – Да ради бога, принеси наконец кофе и прекрати тарашиться на меня, как на синезадного павиана!

– Простите, мадам. – Джули попятилась. – Сию минуту! – Она ретировалась на кухню и прикрыла за собой дверь.

«Что ж, меня предупреждали, – сказала она себе. – Но я никак не думала, что она окажется такой. Ну и ну! Придется следить за каждым своим шагом, если хочу задержаться здесь подольше».

Пока вода закипала, Джули поспешно выскользнула из платья, распечатала пакет и надела форму.

«Может, угожу хозяйке, если предстану перед ней в форме, – подумала она. – По крайней мере, это покажет ей, что я знаю свое место». Она хихикнула.

В комнате Бланш горел яркий свет, когда вошла Джули с подносом. Тяжелый, спертый воздух был напитан стойким запахом бренди и застарелым ароматом духов. Несмотря на то что шел четвертый час дня, шторы оставались задернуты и все окна затворены. Среди потрясающей роскоши и жуткого беспорядка бродила Бланш. Стены комнаты были обиты бледно-голубой тканью. Кресла, узорчатая кушетка и белый с голубым кожаный пуф стояли на толстом белом ковре. Изысканно украшенный туалетный столик был присыпан пудрой, завален тюбиками с вытекающим гримом и опрокинутыми бутылками. Одежда валялась на полу, висела небрежно брошенная на стульях и на изголовье кровати. Широкая, почти как зонтик от солнца, соломенная шляпа свисала с одного из настенных бра.

– Ну как же ты долго, – сердито бросила Бланш. – Если хочешь, чтобы мы поладили, советую пошевелиться. – Она внимательно оглядела Джули. – О, переделась. А что, очень даже миленькая форма, тебе к лицу. – Она указала на прикроватный столик. – Поднос сюда, и оставь меня. Возможно, следует прибраться в ванной, затем мы с тобой побеседуем. Ванная там. Я буду готова через минутку-другую.

От вида ванной комнаты сердце Джули заныло от зависти: душевая кабина, встроенная в пол ванна, туалетный столик, массажное кресло, турецкая баня в отдельном помещении и сушиар – все, чего только могла пожелать праздная, избалованная женщина. Как и в спальне, здесь тоже царил беспорядок. Ванна не была опорожнена – в молочно-мыльной воде плавало полотенце. Здесь и там пол покрывала пятнами рассыпанная пудра. Под ногами Джули хрустели кристаллы соли для ванны, когда она принялась подбирать разбросанные гигиенические салфетки и липкие от кольдкрема полотенца для рук. Стараясь работать как можно быстрее, она прибралась в помещении, слила воду, отжала полотенце и протерла им пол.

Бланш по-прежнему мерила шагами спальню, когда Джули вернулась из ванной. На туалетном столике появился стакан бренди, наполненный до половины и прикрытый сверху пудрицей.

– Вот и ты, – проговорила с улыбкой Бланш. Сейчас она казалась более оживленной и дружелюбной. – А я что, не спросила, как тебя зовут? Не может быть...

– Джули Холланд, мадам.

Бланш упала в кресло, прикрыла на мгновение глаза, затем открыла и устремила на Джули долгий изучающий взгляд.

– Ты, кажется, сказала, что тебя прислала миссис Френч? Что-то в последнее время память подводит...

– Да, мадам.

– А, ну тогда, думаю, с тобой должно быть все в порядке. И рекомендации у тебя есть?

Джули протянула ей два конверта.

– У этой женщины всегда все схвачено, – проворчала Бланш, вскрывая конверты. На рекомендации она лишь взглянула и бросила их на туалетный столик. – О зарплате она, полагаю, тоже сказала?

– Да, мадам.

– Что ж, тогда можешь считать себя принятой на работу. – Она подалась вперед, чтобы разглядеть себя в зеркале. – Посмотрим, удастся ли нам с тобой поладить. Кофе ты приготовила отменный. Все, что от тебя требуется, это содержать дом в порядке и помогать мне, когда я попрошу. Твоя комната в другом конце коридора. Славная, кстати, комнатка. Я считаю, что люди должны жить в комфорте. Ты как, можешь приступить прямо сейчас?

– Да, мадам.

Бланш взяла гребень и принялась расчесывать белокурые кудряшки.

– Сегодня вечером меня не будет. Я хотела бы, чтобы ты переехала немедленно. Не люблю оставлять квартиру пустой, пока меня нет дома. Как полагаешь, получится?

– Да, мадам. – Джули устала стоять перед этой гламурной маленькой куклой.

– И ты не против, если тебя оставят здесь на ночь одну?

Джули не сдержала удивления:

– Вовсе не против, мадам.

– Надо же, какая смелая, – вяло проговорила Бланш. – Терпеть не могу оставаться здесь одной. Мистер Уэсли уже две недели в Париже, и я тут такого страху натерпелась. А вдруг кто вломится? Нынче столько квартир грабят. И по ночам все время чудятся звуки какие-то странные. Иногда думаю, может, здесь привидения водятся... Но ты-то, надеюсь, не веришь в привидения?

– Нет, мадам, – твердо ответила Джули.

– Быть может, это здорово – не иметь воображения, – сказала Бланш, приглаживая кудряшки. – А у меня натура впечатлительная, тонкая. Знаешь, я порой четко слышу, как кто-то крадется по коридору: туда, потом обратно... Впрочем, все, наверное, оттого, что я всегда на взводе.

«Или навеселе», – подумала Джули, сдерживая смех, и спросила:

– Наполнить ванну, мадам?

– Пожалуй, да. А потом собери чемодан. Меня не будет до завтрашнего вечера. К этому же времени я ожидаю мистера Уэсли. У тебя впереди много работы. Надо привести в порядок весь мой гардероб. Я уже много дней без прислуги, и там такой кавардак. Не знаю почему. Будь умницей, открой вон тот шкаф. Хорошо. Видишь, у каждой моей одежды свой номер – он на вешалке.

В комнате стояли три огромных шкафа с раздвижными дверями. В том, который открыла Джули, висели два длинных ряда женских костюмов, пальто, платьев и вечерних бальных нарядов.

– К каждому наряду – своя шляпка, белье, перчатки, сумочка и, разумеется, обувь, – объясняла Бланш вялым тоненьким голоском. – Это я сама придумала. Поскольку все пронумеровано, остается только следить, чтобы одинаковые номера были вместе. Справишься?

– О да, мадам.

– А там сейф. Так его не увидеть, он скрыт за стеной. Сейфом я занимаюсь сама и храню в нем свои меха и драгоценности. Что ж, думаю, тебе пора готовить ванну. Мне обязательно надо успеть к поезду в пять двадцать, и время поджимает.

Пока Бланш принимала ванну, Джули старательно прибиралась в спальне, гадая между делом, чем заняться вечером. Она никак не ожидала, что свободный вечер выпадет так скоро. Вот бы встретиться с Гарри! Могли бы сходить вместе в кино. Но как связаться с ним? Единственная надежда – миссис Френч. Гарри сказал, что через нее можно передать весточку. Надо попытаться.

Проводы Бланш оказались безумной и изнурительной процедурой. Чемодан пришлось дважды распаковывать, поскольку она никак не могла решить, что брать с собой. Затем, когда сборы, казалось, уже были закончены и Джули потянулась к телефону вызвать такси, Бланш вдруг сделалась раздражительной и заявила, что никуда не поедет.

– А чего я, собственно, беспокоюсь, – проговорила она, рухнув в кресло. Принаряженная и накрашенная, она была потрясающе красива, как яркая, неотразимо привлекательная куколка. – И не то чтобы мне нравились эти люди. Трещат без умолку. К тому же я неважно себя чувствую. Все, решено: не поеду. А ты займись делом, распакуй чемодан, пока все не помялось.

Джули и в лучшие времена терпеть не могла упаковывать вещи. И сейчас она упаковывала и распаковывала, складывала и раскладывала снова и снова, и все это происходило под строгим наблюдением Бланш, которая критиковала, брюзжала, бранилась и лезла с бесполезными советами. Джули велели распаковать вещи уже в третий раз, и она едва сдержалась, чтобы не швырнуть этот чемодан в Бланш. Непослушными руками она вновь принялась вынимать вещи. Когда чемодан почти опустел, Бланш внезапно хлопнула в ладоши и воскликнула, изобразив душевные терзания:

– И о чем я только думаю? Бедная моя Джули. Конечно, мне нужно ехать. Просто из головы вылетело: там ведь должен быть Баки. Мне необходимо увидеться с ним. Давай-ка упакуй все снова. И поторопись, иначе опоздаю на поезд. Нет слов, как мне неловко заставлять тебя столько работать.

Джули вся кипела и едва сдерживала слезы. Она начала бросать вещи обратно в чемодан.

– Ой, погоди, не закрывай пока, – попросила Бланш, когда Джули собралась захлопнуть крышку. – Кажется, я прихватила что-то лишнее. Такая розовато-лиловая штучка... Где-то на самом дне. Ну, ты знаешь, о чем я говорю. Я в ней бледная как смерть.

Джули готова была ее придушить. Она выдернула розовато-лиловое вечернее платье из чемодана, развалив этим всю укладку, и выглядела при этом такой расстроенной и злой, что Бланш решила поменять тактику.

– Джули, хочешь это платье? – как бы невзначай спросила она. – Я его уже не ношу, и жаль, что оно висит в шкафу без дела, не правда ли?

Гнев Джули тотчас утих. Она присела на корточки и подняла глаза на хозяйку.

– Прошу прощения, мадам? – спросила она, взглянув на платье и нежно коснувшись материи кончиками пальцев.

– Славное, правда? – так же небрежно заметила Бланш. – От Хартнелла. Но цвет мне чертовски не к лицу. Представить не могу, зачем я купила его. Хочешь?

– Я? – спросила, просияв, Джули. – О да, конечно! Благодарю вас, мадам.

Бланш улыбнулась. Но когда Джули, подняв голову, увидела, насколько подлой и жестокой была эта улыбочка, сердце ее упало.

– Хорошо, я подумаю, – сказала Бланш. – Разумеется, я не могу отдать его тебе просто так. Оно стоит сто пятьдесят гиней или что-то вроде того. Но уступлю за двадцать фунтов.

Глубоко разочарованная, Джули повесила платье обратно на спинку стула и нагнулась застегнуть чемодан.

– Но двадцати фунтов на платье у тебя, полагаю, не найдется... или найдется? – продолжала беззаботно щебетать Бланш.

– Нет, мадам, – ответила Джули и отвернулась.

– Вот жалость-то. Ну ладно, не горюй. В таком платье девушка твоего класса выглядела бы нелепо. Над тобой все только потешались бы. Помещу-ка я лучше объявление о продаже в «Таймс», я же могу это сделать, правда?

Джули бегло взглянула на Бланш и успела заметить на ее лице ликование, длившееся лишь мгновение, но Джули поняла, что провоцируют ее намеренно.

«Хорошо же, – подумала она. – Давай забавляйся, кошка драная. В следующий раз я не поведусь».

«Нет смысла позволять Бланш выносить себе мозг, – размышляла она, когда хозяйка наконец уехала. – Она ведь только этого и добивается. Слава богу, не увижу ее целых двадцать четыре часа. Плевать на то, что Гарри замышляет с ней сотворить. Если в моих силах помочь ему открутить ее поганный нос, я это сделаю».

Она решила, что на уборку квартиры ей понадобится как минимум два часа. Сейчас без четверти пять. Значит, часам к семи она будет готова встретиться с Гарри, если сможет его разыскать. Звонить в агентство миссис Френч не хотелось, но выбора у нее не было. После некоторого колебания она набрала номер.

Трубку сняла Дана.

– Это Джули Холланд, – проговорила Джули: узнав хриловатый голос Даны, она вся напряглась. – Я хочу поговорить с мистером Глебом. Не могли бы вы дать мне номер его телефона?

– Подождите, – ответила Дана и со стуком положила трубку на стол. Джули услышала, как она сказала кому-то: – Это та девица, Холланд. Хочет поговорить с тобой.

К удивлению Джули, в трубке раздался голос Глеба.

– В чем дело? – отрывисто спросил он.

– Да ни в чем. Все хорошо. Просто хотела увидеться с тобой вечером. Миссис Уэсли уехала, и весь вечер у меня свободен. Мы можем встретиться в семь?

– Извини, детка. – Он не скрывал раздражения. – Я занят.

– Но, Гарри, мы же можем встретиться. Я не знаю, когда буду свободна в следующий раз. Я здесь совсем одна, и мне совершенно нечем заняться.

– У меня через двадцать минут поезд на Манчестер, – ответил Гарри. – Прости, но ничего поделать не могу. Увидимся, когда вернусь. Все, у меня ни минутки. Пока. – И он дал отбой.

«Черт побери! – подумала Джули. – Вот попала. Весь вечер свободный, а поговорить не с кем, выйти погулять не с кем. Ну что за невезенье. Так удачно закадрила парня, и не встретиться. А говорить по телефону мог бы и полюбезней. Мы же все-таки любовники». Затем, от большого желания оправдать Гарри, она решила, что всему виной его неловкость из-за присутствия Даны.

Некоторое время спустя, забравшись в постель, Джули уже позабыла о своем одиночестве. Комнатка просто очаровала ее: обставлена уютно и удобно, как и все остальные помещения в квартире, и здесь так же имелись ванная комната, телефон и портативный радиоприемник у кровати.

Джули побывала в своей квартире на Фулэм-Пэлэс-роуд, собрала вещи и перевезла их сюда. В новой роскошной обстановке она уже не чувствовала себя обделенной вниманием и не особо скучала по компании. Уютная комната, горячая ванна, радиоприемник и удобная постель с лихвой компенсировали ее разочарование из-за несостоявшейся встречи с Гарри.

В полдвенадцатого она выключила приемник и устроилась поудобнее, готовясь заснуть. Как только она протянула руку выключить прикроватную лампу, услышала звук, заставивший ее замереть. Где-то в квартире мягко закрылась дверь. Ощувив внезапное беспокойство, Джули нахмурилась и замерла, прислушиваясь. Пока она ждала, ей вспомнились слова Бланш: «Терпеть не могу оставаться здесь одной... По ночам все время чудятся звуки какие-то странные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.